экология и право

сентябрь, 2024 № 89

Экологические преступления

BELLONA

экология и право
Environment & Rights

ИЗДАТЕЛЬ:
Экологическое объединение BELLONA

www.bellona.no
ecopravo@bellona.org

Главный редактор:
Ангелина Давыдова

Адрес редакции и издателя:
Родхусгата 28, 0151 Осло

Электронная почта:
ecopravo@bellona.org

Our address:
Rådhusgata 28, 0151 Oslo

СОДЕРЖАНИЕ

3 **Слово редактора**
Ангелина Давыдова

4 **Дикая природа нуждается в защите**
Об истории укрепления уголовного права в области защиты окружающей среды
Николай Федоров

10 **В ожидании прецедента:** война России в Украине, возможно, приведет к признанию термина «экоцид»
Российское полномасштабное вторжение в Украину может повлиять на признание экоцида на международном уровне
Алексей Овчинников

14 **Улики экоцида**
Как собирают данные для анализа экологического ущерба от полномасштабного вторжения России в Украину
Алексей Овчинников

20 **Дело не доходит до суда или разваливается**
О ситуации с экологическим законодательством и его правоприменением в РФ
Николай Федоров

28 **«Регулирование – не для защиты природы, это рычаг давления на бизнес»:** юрист-международник о судебных практиках в РФ и мире
Беседовала Вера Кузьмина

30 **Климатическая литигация:** глобальный феномен и российский пример
Как спасти планету с помощью жалоб – среди климатических исков есть и знаковое дело из России
Макар Васильев

36 **Катастрофы, изменившие мир:** как наказывают за экологические преступления в разных странах
Евгений Аниськов

СЛОВО РЕДАКТОРА

АНГЕЛИНА ДАВЫДОВА,
главный редактор

Дорогие читатели!

Перед вами новый выпуск журнала «Экология и право». Его тема – экологические преступления. Экологические преступления включают в себя довольно обширный спектр правонарушений. Это и экологические катастрофы, и промышленное загрязнение, и выбросы парниковых газов, и уничтожение различных видов растений и животных – вот далеко не полный перечень. Эти правонарушения наносят вред не только окружающей среде, экосистемам и биоразнообразию, но также здоровью людей и здоровью планеты в целом. Современное законодательство многих стран предусматривает административную, гражданскую и уголовную ответственность за разные виды экологических преступлений (история становления экологического законодательства описана в одной из статей этого выпуска), однако практика правоприменения во многом находится еще в стадии проб и ошибок – и получения ценного опыта для дальнейшего развития.

В этом выпуске журнала мы расскажем об экологических преступлениях в мире, ситуации с экологическими исками в России, международных климатических исках (и одном российском), а также о самых громких и существенных экологических преступлениях последних лет (и всевозможных реакциях на них – от общественных до судебных). Что важно, многие реакции на крупные экологические правонарушения, аварии и катастрофы не только в чем-то изменили мир – в сфере законодательства и правоприменения, государственного и корпоративного управления, но и оказали влияние на гражданское общество в целом.

Несколько статей посвящены экологическому ущербу, возникающему в результате войны в Украине: в одной рассказывается об организациях, инициативах, институтах, которые фиксируют экологические последствия войны, в другой анализируются перспективы судебных исков, в том числе в связи с экоцидом.

Напоминаем, что деятельность издателя журнала – экологической организации «Беллона» была признана нежелательной на территории РФ. В связи с этим некоторые авторы публикуются в нашем журнале под псевдонимами. Инструкции о том, как в России можно бесплатно читать и распространять материалы журнала, можно найти по ссылке: https://bellona.ru/2023/04/28/bellona-reminder.

Надеемся, что материалы этого выпуска будут для вас интересными и полезными. Мы всегда рады вашим отзывам, идеям и предложениям.

В 1079 году английский король Вильгельм Завоеватель объявил значительные территории Англии королевскими заповедными лесами для оленьей охоты. Были приняты одни из самых строгих законов, касающихся заповедных королевских лесов. С 2005 года здесь открыт национальный парк Нью-Форест.
Фото: Javier Díaz Barrera / flickr.com
https://www.flickr.com/photos/javierdiazb/45093631884/

Дикая природа нуждается в защите

Об истории укрепления уголовного права в области защиты окружающей среды.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВ

Представления о том, что дикая природа является одним из объектов правовой защиты, а наносимый ей ущерб может стать поводом для преследования виновного силой закона, утверждались в общественном сознании разных стран и народов достаточно непросто. Сложности для этого создавала сама природа права, которое по своему существу изначально касается отношений между людьми, а также принадлежащего им имущества. В этом смысле не «принадлежащая» кому-либо конкретно дикая природа оказывалась вне области права.

Дикие животные – вне закона

В частности, в соответствии с римским правом дикие животные квалифицировались как res nullius – то есть «бесхозяйственная», или «ничья», вещь, находящаяся вне области пра-

ва. Попасть в пределы правового регулирования такая «вещь» могла, если какой-либо человек заявит на нее свои «права», например в тот момент, когда дикий зверь станет объектом охоты или отлова. Согласно представлениям римского права дикое животное могло стать чьей-то собственностью в момент, когда претендующий на нее получал к нему физический доступ – то есть забирал подстреленный труп, который становился его добычей, либо уводил отловленное животное (которым мог далее распоряжаться как собственностью и, исходя из этого, нести ответственность, если оно наносило кому-то вред).

Тонкости перехода res nullius в собственность во время охоты до сих пор разбираются в американских юридических школах на примере старого дела «Пирсон против Поста», рассматривавшегося в 1805 году судом штата Нью-Йорк. Суть его заключалась в том, что Пирсон, зная о ведущейся охоте, подстрелил и забрал лисицу, до того долго преследуемую охотничьей сворой некоего Поста. Возмутившийся Пост подал на Пирсона в суд, однако в итоге суд штата Нью-Йорк, до которого дошло дело, постановил, что факт охотничьего преследования не делает «бесхозяйственную» лисицу собственностью Поста и Пирсон, несмотря на бесчестность его поступка с точки зрения охотничьей этики, тем не менее, имел право присвоить лисицу себе.

Общинный лес и королевский форест

Как бы то ни было, регулирование охоты долгое время было одним из немногих областей, где право соприкасалось с дикой природой. Уже в VI веке в Институциях Юстиниана – важном памятнике римского права, кодифицированном в Византийской империи, указывалось, что собственник земли имеет право ограничивать на ней охоту посторонних лиц.

В Англии XI века после Нормандского завоевания были приняты одни из самых строгих законов, касающихся королевских лесов. Король Вильгельм Завоеватель, любитель охоты и чувствующий определенную свободу рук во взятой мечом стране, объявил значительные территории Англии своими охотничьими угодьями. Собственно, тогда в английском языке появляется слово forest, привнесенное с континента и имеющее латинское происхождение. Первоначально оно означало, собственно, не лесной участок, поскольку в forests Вильгельма Завоевателя включались также луга и болота, – а особый правовой режим. На этих территориях запрещались рубка леса и охота практически на любую ценную дичь. При этом нарушителей ожидало суровое наказание – в частности, подстрелившему оленя в таких угодьях полагалось отсечение двух пальцев на руке (жертва такой ампутации уже не мог пользоваться луком), а за повторное нарушение запрета – охотника ослепляли.

Слово forest происходит, по-видимому, от латинского foris, что означает «вовне» или «снаружи». Хотя версии о первоначальном значении этого слова разнятся, одна из них предполагает, что foris означает «находящееся вне обычного права» (поскольку правовой режим forests обеспечивали особые суды, карающие нарушителей, и специальные служители, занимавшиеся их выявлением и преследованием).

Как мы знаем из баллад о Робин Гуде, жители Англии воспринимали новые законы, охраняющие дикую природу в угодьях короля, со всей возможной ненавистью и относились к смельчакам, готовым, несмотря на наказание, стрелять королевских оленей, как к героям. Во многом это было связано с непониманием того, почему в один прекрасный день за охоту в отдельном лесу начали отрубать пальцы, – при том, что на общинных землях, включающих в себя и леса, действовал совершенно другой правовой режим и охота не влекла никаких опасных последствий.

Стоит отметить, что и в других странах Европы, где охота считалась привилегией короны или аристократического сословия, браконьеры, нарушающие запреты и добывающие диких животных на охраняемых ради королевской или дворянской охоты природных территориях, пользовались определенным сочувствием и поддержкой со стороны непривилегированных жителей.

Впрочем, подобное сочувствие браконьерам отражает ту сложность правового регулирования природной среды, которая вряд ли полностью преодолена и в современном мире, – природа никогда не защищается «в целом». Ее охрана зачастую ограничивается созданием особых правовых режимов на ограниченных территориях (например, в заповедниках) или введением строгого наказания за охоту на отдельные виды (признаваемые редкими и исчезающими). Такая «лоскутность» природоохранного права вряд ли может быть преодолена, пока человеческая цивилизация «универсально» использует для своего развития ресурсы окружающей среды.

Конец дикого мира

Для того чтобы представление о том, что обращение человека с окружающей средой нуждается в особом

правовом регулировании, не сводимом к сумме законов о собственности и экономической деятельности, затрагивающих землю и природные ресурсы, – в сознании различных человеческих обществ должны были произойти важные перемены. В частности, должно было появиться понимание, что дикая природа имеет самостоятельную ценность, а ее уничтожение может нанести непоправимый ущерб общественному благу. Такие представления могли первоначально не иметь какого-то рационального характера и быть связаны с возникновением романтических представлений о нетронутой природе как непреходящей ценности, спасающей человеческий дух от порчи. Однако за появлением таких идей стояли некоторые объективные реалии – прежде всего, нетронутой природы становилось меньше, она превращалась в определенный «дефицит» – хотя бы на уровне визуального восприятия – во многих странах.

На рубеже XVIII-XIX веков частью опыта западной цивилизации стало интенсивное освоение восточного побережья Соединенных Штатов, сопровождавшееся массовым уничтожением прежних малонарушенных ландшафтов, сведением лесов для нужд сельского хозяйства и появлением большого числа новых поселений, создаваемых прибывающими иммигрантами. Процесс уничтожения дикой и казавшейся первозданной природы (впрочем, эксплуатируемой в течение многих веков племенами коренных жителей Америки), очевидно, представлялся драматичным некоторым наблюдателям.

В частности, теме уничтожения дикой природы и массового истребления животного мира поселенцами посвящен первый роман Фенимора Купера «Пионеры», написанный в 1823 году. Именно в нем впервые появляется сквозной протагонист многих куперовских произведений Натти Бампо – охотник, живущий в согласии с природой и вынужденный удрученно наблюдать, как поселенцы уничтожают его мир. Неотъемлемым сюжетным элементом «Пионеров» становятся диалоги Бампо с судьей Темплом – основателем нового поселка и владельцем окружающих земельных участков. Темпл тоже переживает из-за хищнического отношения поселенцев к природе, но, веря в цивилизацию и прогресс, предполагает, что когда-нибудь закон найдет средства обуздать такие разрушительные действия, – при этом Натти Бампо, скептически относящийся к писаным законам, верит скорее в естественную человеческую мораль, которая подскажет людям, насколько их поступки противны доброй воле.

Зловоние цивилизации

Рассуждения героев художественной прозы, впрочем, если и отражали эволюцию сознания – но не приводили к автоматическому изменению законов. Обществу и государству требовались дополнительные подтверждения пагубности бесконтрольного обращения с природой. Такие свидетельства вскоре в избытке стали давать последствия индустриализации и бесконтрольного роста городов. Англия, как одна из стран – пионеров промышленной революции, в числе первых столкнулась с такими последствиями. Описание промышленных районов Англии середины XIX века как воплощения ада на земле, калечащего любую жизнь (и чем-то напоминающего толкиеновский Мордор), нередко встречается в романах Чарльза Диккенса.

Так, в «Лавке древностей» бездомные герои Диккенса однажды вынуждены пересекать обширную индустриальную территорию: «Миновав красные кирпичные дома с клочками огородов, где угольная пыль и дым из фабричных труб темным слоем оседали на вялой листве и на бурьяне, где новые побеги, с трудом пробившись

Частью опыта западной цивилизации стало интенсивное освоение территории Соединенных Штатов. В процессе уничтожения дикой природы массовому истреблению подверглась популяция американских бизонов – их убивали ради шкуры и мяса, также скотоводы уничтожали бизонов, чтобы освободить территорию и ресурсы для своей живности. На фото: дорама «Бизоны» в Лос-Анджелесском музее естественной истории.
Фото: Thomas Hawk / flickr.com

https://www.flickr.com/photos/thomashawk/2932341843/in/album-72157603757125286

на волю, засыхали и никли под горячим дыханием печей и горнов, которые здесь, среди этой жалкой растительности, казались еще страшнее, еще больше грозили гибелью, чем в самом городе, миновав растянувшееся в длину и словно припавшее к земле предместье, старик и девочка увидели перед собой еще более мрачные места, где не росло ни травинки, где даже весна не могла бы порадовать глаз распустившейся почкой, где зелень виднелась только на поверхности стоячих луж, пересыхающих на солнце вдоль черной дороги. <…> Справа и слева, еле прикрытые сбитыми наспех досками или полусгнившим навесом, какие-то странные машины вертелись и корчились среди куч золы, будто живые существа под пыткой, лязгали цепями, сотрясали землю своими судорогами и время от времени пронзительно вскрикивали, словно не стерпев муки».

«Ночной Коулбрукдейл». Художник – Филипп Джеймс де Лютербург. Музей науки, Лондон. Фото: Mark Cartwright / www.worldhistory.org
https://www.worldhistory.org/image/17280/coalbrookdale-by-night-by-philippe-jacques-de-lout/

В 1858 году в Лондоне случилось событие, известное как Great Stink (Великая вонь, традиционно переводимая на русский как Великое зловоние), – город, где в тот момент проживало более двух миллионов человек, не был оборудован канализацией и какими-либо очистными промышленными сооружениями. Лето 1858 года оказалось особенно жарким и засушливым. Темза в пределах Лондона обмелела, обнажив скопившиеся на ее дне громадные массы человеческих фекалий и прочих отходов, бесконтрольно сливавшихся в реку из города. Поднявшееся зловоние достигло размеров стихийного бедствия (что особенно примечательно, учитывая, что дурной запах от Темзы и плывущих по ней отходов был обыденностью для лондонской жизни и часто описывался в газетных фельетонах). Великая вонь заставила английские власти принять экстренные меры по строительству современных канализационных систем. Отчасти на скорость принимаемых мер повлиял традиционный предрассудок, связывавший любое зловоние с миазмами, вызывающими опасные болезни.

Во Франции, где Сена в пределах Парижа в отдельные теплые годы также служила источником крайне неприятных запахов, в 1880 году решили подойти к проблеме с учетом научных достижений своего времени. Правительственная комиссия, членом которой был великий микробиолог Луи Пастер, подвергла анализу источники зловония и определила, насколько они опасны с инфекционной точки зрения. Результаты работы комиссии, отчасти сведшиеся к формуле «не все, что убивает, дурно пахнет – не все, что дурно пахнет, убивает», привели к исчезновению страха перед зловонием, но одновременно позволили сформулировать базовые принципы научной санитарии.

Законные меры

Как бы то ни было, в общественной мысли стало формироваться представление о том, что дикая природа может нуждаться в защите со стороны властей, а обращение с окружающей средой также может регулироваться посредством введения различных ограничений. Эти представления постепенно проникают в правовые системы и становятся элементом, в том числе, уголовного права.

Так, на примере США можно видеть, как на переломе XIX-XX веков в законодательстве появляются первые акты, которые до сих пор выступают частью уголовного права в области окружающей среды. В 1899 году был принят федеральный Акт об отходах (Refuse Act), который запрещал сброс отходов в судоходные воды (а также в притоки таких вод) Соединенных Штатов без специального разрешения. Следить за выполнением закона поручалось Корпусу инженеров Армии США, а выявленные нарушители могли быть приговорены судом к штрафу. Хотя первоначально закон скорее преследовал задачу улучшения судоходства, которое затрудняли массы сбрасываемых в реки и моря бытовых отходов. Однако со временем именно на основании Акта об отходах власти начали преследовать промышленных загрязнителей вод.

Акт об отходах до сих пор составляет основополагающую часть законодательства по противодействию загрязнению водных ресурсов. При этом, несмотря на появление в 1970 году специализированного федерального Агентства по защите окружающей среды со своим инспекторским аппаратом, часть функций по защите американской гидросферы от загрязнения по-прежнему осуществляет Корпус инженеров Армии США.

Эволюция данного закона демонстрирует один из примеров развития экологического права. Определенное вмешательство в окружающую среду – в частности, засорение судоходных вод отходами – осознавалось как проблема, требующая участия властей, еще до понимания общей экологической угрозы от загрязнения вод, но лишь потому, что последствия

В 1900 году Конгресс США принял Акт Лейси, признававший незаконными добычу и транспортировку животных и растений, находящихся под защитой закона в одном штате, для продажи или иного использования за его пределами. На фото: Национальный парк Йеллоустоун, расположенный в пределах штатов Вайоминг, Монтана и Айдахо.
Фото: Carol M. Highsmith (America, Library of Congress collection/rawpixel)
https://wordsaremonuments.org/blog/yellowstones-150th-anniversary/

человеческой деятельности оказывались нежелательными и масштабными. В дальнейшем, однако, наличие легального инструмента в руках властей позволяло решать и задачи защиты окружающей среды.

В 1900 году Конгресс США принимает Акт Лейси (названный в честь внесшего его конгрессмена Джона Лейси), признававший незаконными добычу и транспортировку животных и растений, находящихся под защитой закона в одном штате, для продажи или иного использования за его пределами.

Закон был направлен на защиту уже действующих природоохранных территорий, прежде всего Национального парка Йеллоустоун, расположенного в пределах штатов Вайоминг, Монтана и Айдахо, поскольку браконьеры, охотящиеся на территории парка, могли избежать любого наказания, как только пересекали границу штата, где совершили правонарушение, или если сбывали добычу в других штатах. Так или иначе, после принятия Акта Лейси добыча животных и растений, находящихся под защитой в тех или иных местностях США, становилась федеральным преступлением. Появление Акта Лейси отражало как деградацию дикой природы Америки, которая уже нуждалась в серьезных мерах защиты хотя бы на некоторых уцелевших малонарушенных территориях, так и закрепление у американского общества и его законодателей представлений о том, что защита природы соответствует общественному благу.

Вечное несовершенство

Постепенно, по мере осознания того, что человеческая деятельность, способствующая загрязнению и деградации окружающей среды, представляет угрозу благополучию людей, а сама дикая природа имеет самостоятельную ценность, требующую защиты, – в законодательстве разных стран появляются законы, пресекающие нанесение того или иного ущерба окружающей среде и наказывающие нарушителей.

В США важной вехой на этом пути стало принятие в 1970-х годах федеральных законов о защите атмосферы и гидросферы от промышленных загрязнений, а также закона об обращении с опасными отходами (как правило, именуемые Clean Air Act, Clean Water Act и Resource Conservation and Recovery Act соответственно). Эти законы позволяли привлекать промышленных загрязнителей к уголовной ответственности, однако такие нарушения в первые годы после вступления законов в силу считались преступлениями небольшой тяжести (misdemeanor), а потому, как отмечается в исследовании Марка Коэна, опубликованном в 1992 году, органы расследования не проявляли должного интереса к раскрытию преступлений, связанных с окружающей средой.

Ситуация изменилась после того, как в 1980-е годы многие описанные в данных законах деяния были переквалифицированы в особо опасные преступления (felonies), – и количество расследований многократно возросло (отчасти это связано с тем, что ведение подобных дел получило более высокий приоритет). Тем не менее сам

факт переквалификации действий, наносящих ущерб окружающей среде, показывает важную особенность применения уголовного права в защите окружающей среды – оценка общественной опасности совершаемых действий может меняться, что затрудняет точный критерий применения уголовного законодательства.

В частности, в законодательстве большинства стран мира уголовная ответственность за нанесение ущерба окружающей среде тесно связана с административным правом. То есть поводом для применения инструментов уголовного права становится нарушение определенных административных законов – например, законодательства, регулирующего допустимые объемы выбросов тех или иных веществ в атмосферу. Это лишает уголовное право самостоятельной роли в защите окружающей среды.

Лишь в некоторых случаях применение инструментов уголовного права в области защиты природы (во всяком случае, если речь идет о промышленной деятельности) не имеет отсылки к административным законам. К примеру, в законодательстве стран – членов ЕС уголовные статьи о наказании за загрязнение или опасное обращение с отходами, которые вызвали угрозу тяжкого вреда здоровью или смерти человека, не содержат ссылки на «законность» или «незаконность» осуществленных выбросов или обращения с отходами.

Таким образом, защита окружающей среды до сих пор остается достаточно специфической материей внутри права – возможно, это по-прежнему связано с тем, что дикая природа оставалась за пределами правового регулирования большую часть существования человеческой цивилизации. Как указывает профессор экологического права Оксфордского университета Элизабет Фишер, экологическое законодательство не существует как отдельная отрасль права (в отличие, например, от коммерческого законодательства, которое изначально можно выбрать как юридическую специализацию), а представляет собой совокупность самых разных отраслей права. Такое положение вещей неизбежно, поскольку область вторжения человека в окружающую среду и наносимый ей вред слишком разнообразны: «экологические» законы рассматривают и незаконный отстрел охраняемых животных, совершенный одним нарушителем в строго определенном месте, и масштабное загрязнение атмосферы, длящееся во времени и наносящее неопределимый ущерб.

Представления о том, что именно наносит вред окружающей среде, постоянно меняются, и это регулярно отражается в принимаемых законах

В то же время представления о том, что именно наносит вред окружающей среде, постоянно меняются – по мере осознания человечеством стоящих перед ним проблем, и это регулярно отражается в принимаемых законах, поэтому законодательство в области экологии определенно лишено важного для других отраслей права качества – стабильности. Кроме того, экологическое законодательство криминализирует или запрещает то, чего не существовало как определенного понятия до появления новых законов: скажем, объективно происходившее на протяжении пары столетий промышленное загрязнение атмосферы не фигурировало как понятие ни в одной отрасли права до появления закона, наказывающего за такое загрязнение и, собственно, дающего определение того, что именно загрязняет атмосферу.

Впрочем, при всех сложностях защиты природы, если смотреть на этот вопрос с юридической точки зрения, стоит согласиться с тем, что законы, предоставляющие защиту окружающей среде, появились как запрос обеспокоенного общества и стали результатом горького опыта нанесения ущерба природе и осознания ее ценности для человеческой цивилизации.

Фото: pxhere.com
https://pxhere.com/en/photo/1137037

В ожидании прецедента:

война России в Украине, возможно, приведет к признанию термина «экоцид»

Российское полномасштабное вторжение в Украину может повлиять на признание экоцида на международном уровне.

АЛЕКСЕЙ ОВЧИННИКОВ, беларуский экологический активист, журналист, исследователь, участник «Зеленой сетки», редактор UWEC Work Group

Термин «экоцид» достаточно часто можно услышать в экологическом или правовом дискурсе, его активно используют СМИ, особенно в последние годы российского вторжения в Украину. Однако сам термин все еще не определен, да и привести примеры судебных процессов по делу об экоциде не представляется возможным. Предлагаем вашему вниманию краткую историю термина: как он стал частью международного права, почему был включен в Уголовный кодекс в постсоветских странах и как судебные процессы по рассмотрению экологических преступлений в результате полномасштабного вторжения России в Украину могут позволить закрепить экоцид на международном уровне – в частности, в рамках Римского статута.

Появление и признание термина «экоцид»

Впервые термин был использован в 1970 году профессором Артуром У. Галстоном на Конференции по войне и национальной ответственности в Вашингтоне. Именно разработки Галстона в области дефолиантного эффекта, вызванного воздействием кислот, то есть опаданием листвы в результате химического отравления растений, легли в основу создания агента «оранж». Сам «оранжевый реагент» активно применялся США во время Второй Индокитайской войны во Вьетнаме, Лаосе, Камбоджи с целью уничтожения джунглей, которые были естественной средой защиты для местных партизан. Узнав о том, что его разработки используют в военных целях и приводят к уничтожению людей и природы, Галстон выступил категорически против, активно занялся вопросами биоэтики, в частности юридической ответственности за преступления против природы.

Введенный Галстоном термин «экоцид» оказался удачным. Он коррелировал с термином «геноцид», утвержденным Резолюцией 260 (III) Генеральной Ассамблеи ООН. И предполагал ответственность за массовое уничтожение природы. Так, в 1972 году премьер-министр Швеции уже использовал термин «экоцид» на конференции ООН для обозначения массовых преступлений против природы во время войны во Вьетнаме. В 1973 году Ричард Фолк в своей статье «Экологическая война и экоцид: факты, оценки и предложения» дал первое определение экоциду и предложил принять конвенцию об экоциде, закрепив его на международном уровне. В 1978 году Комиссия ООН предложила включить вопрос экоцида в положение о предотвращении геноцида малых народов.

Однако закрепленного на международном уровне определения или положения экоцид так и не получил. В 1985 году была попытка добавить экоцид в резолюцию о геноциде, но должной поддержки это предложение не получило.

Новый толчок к признанию экоцида возник в 1990 году, когда Вьетнам стал первой страной в мире, включившей термин «экоцид» в национальный Уголовный кодекс. Статья 278 гласит: «Те, кто в мирное или военное время совершают действия, направленные на массовое уничтожение населения какой-либо местности, на уничтожение источников существования населения, на подрыв культурной и духовной жизни страны, на разрушение основ общества с целью разрушения такого общества, а также другие акты геноцида или акты экоцида или уничтожения природной среды, – наказываются лишением свободы на срок от десяти до двадцати лет, пожизненным заключением или смертной казнью».

В 1991 году Комиссия международного права (International Law Commission) приступает к разработке документа для включения экоцида в состав преступлений против мира и безопасности человечества.

Тем временем во второй половине 1990-х годов происходит бум включения экоцида в уголовную практику в постсоветских странах. В 1994 году первым в Уголовный кодекс статью об экоциде включил Узбекистан. В 1996 году статья 358 об экоциде появляется в Уголовном кодексе Российской Федерации. В 1997 году – в Казахстане и Кыргызстане. В 1998-м – в Таджикистане. В 1999-м – в Грузии и Беларуси. В 2001 году – статья 441 об уголовном преследовании за экоцид появляется в Уголовном кодексе Украины. В 2002 году – в Молдове. В 2003-м – в Армении.

Было бы интересно разобраться в причинах, по которым именно постсоветские страны стали пионерами

Последствия взрыва плотины Каховского водохранилища – затопленная портовая инфраструктура Херсона.
Фото: SmirnovPilot / https://depositphotos.com

https://depositphotos.com/ru/photo/undermining-dam-kakhovka-reservoir-consequences-dam-blowing-flooded-port-infrastructure-682965606.html

в создании правовой базы для рассмотрения дел об экоциде на национальном уровне. Здесь можно выдвинуть гипотезу, что в 1990-х годах происходит формирование уголовных кодексов получивших независимость постсоветских стран частично на базе советских кодексов, частично на базе современного европейского/мирового права. Что дало возможность для некоторых экспериментов. В частности, для включения уголовной статьи об экоциде, тема которого активно обсуждалась в международном правовом сообществе и была «трендовой». Поэтому при формировании новых кодексов была включена и «модная» статья об экоциде. Где-то это произошло раньше, где-то позже. Так, например, в Украине принятый в 2001 году Уголовный кодекс заменил действовавший УК от 1960 года. То есть статья об экоциде попала в первый кодекс независимого государства, как и в случае других постсоветских стран, в том числе России.

Отметим, что кроме перечисленных выше стран на национальном уровне экоцид как преступление против природы сегодня признан только в Эквадоре (2008, 2014) – еще одной стране с прогрессивной (модернистской) правовой системой и первой конституцией, защищающей права природы. В 2021 году в национальный Уголовный кодекс статью об экоциде включила Франция. Европарламент также приступил к рассмотрению заявления о признании экоцида в 2021 году.

Однако на международном уровне экоцид продолжает оставаться непризнанным международным преступлением. Так, в 1998 году был сформирован Римский статут, определяющий преступления, которые могут быть рассмотрены Международным уголовным судом (МУС). Среди них – преступления геноцида, преступления против человечности, военные преступления, преступления агрессии. Экоцид должен стать пятым преступлением, включенным в Римский статут. За это выступают такие международные инициативы, как Stop Ecocide International, а также правительства островных государств – например, Фиджи, Тувалу, Вануату. Однако пока он в Римский статут не включен.

Сегодня Римский статут подписан в 137 и ратифицирован в 124 странах. Одной из последних на сегодняшний день ратифицировала Римский статут Украина в августе 2024 года. Интересно, что некоторые страны, такие как Россия и США, сначала подписали статут, а затем отозвали свои подписи.

Больше по теме:

На пути к международному признанию экоцида.

Российское вторжение в Украину как новая глава в признании экоцида на национальном и международном уровнях

Война 2014-2015 годов, оккупация территорий и полномасштабное вторжение 2022 года стали новым импульсом как в дискуссиях, так и в формировании четкой правовой базы для рассмотрения дел об экоциде. Как отмечалось выше, оба участника военного конфликта – Россия и Украина – имеют в своих уголовных кодексах статьи об экоциде.

Статья 358 Уголовного кодекса Российской Федерации определяет экоцид как «массовое уничтожение растительного и животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, способных вызвать экологическую катастрофу». И предполагает лишение свободы на срок от 12 до 20 лет.

Статья 441 Уголовного кодекса Украины имеет подобную формулировку и определяет экоцид как «массовое уничтожение растительного или животного мира, отравление атмосферы или водных ресурсов, а также совершение иных действий, которые могут повлечь экологическую катастрофу». Предполагает лишение свободы на срок от восьми до 15 лет.

Первые иски по статьям об экоциде в обеих странах были связаны именно с войной, начавшейся в 2014-2015 годах, и оккупацией территорий. Так, Следственный комитет России возбудил в 2021 году дело против «неустановленных лиц, находящихся на территории Украины» по статье «Экоцид» за «водную блокаду Крыма». При этом никаких дел, связанных с экологическими катастрофами в самой России, возбуждено не было. По данным сайта «Судебная статистика РФ», с 2016 года ни одного приговора по статье 358 вынесено не было.

Как рассказала в интервью UWEC Work Group исполнительный директор украинской общественной организации «Экология. Право. Люди» (ЭПЛ) Елена Кравченко, в Украине до полномасштабного вторжения был подан лишь один иск по статье об экоциде, но он не был удовлетворен. Однако после полномасштабного вторжения в феврале 2022 года Украина начала уже на государственном уровне активно собирать данные о военных преступлениях, которые могут быть квалифицированы как экоцид. Так, по заявлениям генерального прокурора Украины Андрея Костина от июня 2023 года, в стране зафиксировано 15 преступлений, которые соответствуют статье 441 Уголовного кодекса.

Полное интервью с Еленой Кравченко:

Сегодня важно привести к «золотому стандарту» сбор информации о многочисленных преступлениях против окружающей среды, вызванных вторжением России

Трудности признания и делопроизводства по статье «Экоцид»

Поскольку в правовой системе Украины нет прецедента делопроизводства по статье «Экоцид», то, конечно же, это создает трудности в формировании самой базы. Как отметила Елена Кравченко еще в 2022 году, важно сформировать «золотой стандарт», который позволит составить успешные дела как на национальном, так и международном уровне. Это, в частности, предполагает формулировку требований к свидетелям, работу с экспертами, сбор данных, которые затем могут быть представлены как улики, и многое другое.

Сегодня украинская организация ЭПЛ сформулировала семь критериев, соответствие одному из которых позволяет определить преступление как экоцид. Эта позиция была представлена на международных конференциях и, по мнению экспертов организации, должна помочь формированию правовых оснований при рассмотрении экоцида на национальном и международном уровнях.

ЭПЛ предлагает следующие критерии для определения экоцида:

Критерий 1. При совершении деяния полностью исчезают все популяции хотя бы одного эндемического вида биоты, которые существовали в пределах растительно-климатической зоны, или подзоны, или высотного пояса в пределах Украины, либо остается не более 10% особей, что недостаточно для их естественного восстановления, а годовой мониторинг не подтверждает их восстановления.

Критерий 2. При совершении деяния полностью исчезают уникальные группировки биоты (ассоциации), которые существовали в пределах растительно-климатической зоны, или подзоны, или высотного пояса в пределах Украины, либо остается не более 10% площади их распространения, а годовой мониторинг видового состава существующих ценопопуляций не подтверждает восстановления уничтоженных групп.

По заявлениям генерального прокурора Украины Андрея Костина от июня 2023 года, в стране зафиксировано 15 преступлений, которые соответствуют статье 441 Уголовного кодекса

Критерий 3. При совершении деяния полностью исчезают уникальные биотопы, которые существовали в пределах растительно-климатической зоны, или подзоны, или высотного пояса в пределах Украины, либо остается не более 10% их площади и годовой мониторинг уничтоженных составляющих биотопа не подтверждает их восстановления.

Критерий 4. При совершении деяния уничтожены ценные биотопы, включенные в мировое природное наследие ЮНЕСКО или в Резолюцию 4 Бернской конвенции, или же на большей части их площади оказываются уничтожены структурные элементы и годовой мониторинг уничтоженных составляющих биотопа не подтверждает их восстановления до исходного состояния.

Критерий 5. При совершении деяния происходит уничтожение биотопов, от которых прямые или косвенные экологические услуги недополучит более половины населения страны.

Критерий 6. При совершении деяния происходит загрязнение радионуклидами или разрушение местности определенного ландшафта, что приносит большие экологические и социально-хозяйственные убытки и влечет за собой отселение более половины населения района.

Критерий 7. При совершении деяния происходит изменение характеристик окружающей среды, что может повлечь за собой негативные экологические последствия и катаклизмы разрушительного характера.

Фактически эти критерии позволяют четко отделить данный тип преступлений от других, что должно упростить применение статьи как в национальном, так и международном праве.

Сбор данных об экоциде и первые случаи делопроизводства

Сегодня в Украине сбор данных для формирования делопроизводства ведется на самых разных уровнях, от заявлений граждан до работы инспекций и общественных организаций, однако важно отметить разницу в качестве собранных данных. Если граждане под экоцид готовы записать любое преступление против природы, то общественные украинские и

международные организации работают с экспертами – и потому готовят более основательную правовую базу, которая не развалится в суде.

Так, Министерство защиты окружающей среды и природных ресурсов Украины запустило платформу для сбора данных о преступлениях против природы – Ecozagroza. С помощью специального приложения граждане могут сообщить о том или ином случае, также на платформе предоставляется информация об экологических последствиях как полномасштабного вторжения, так и конкретных преступлений. Например, подрыва плотины Каховской ГЭС.

Стоит сказать, что данный ресурс скорее преследует популистские цели. В первую очередь он является инструментом обратной связи для граждан, а для формирования дела их обращения должны быть проверены и подтверждены местными районными инспекциями охраны окружающей среды. Также Ecozagroza генерирует цифры экологического ущерба, которые могут затем использоваться для привлечения внимания к экологическим последствиям войны. Однако как происходит подсчет, какие методики используются, учитываются ли экономические составляющие, такие, например, как корректировка при колебании курса гривны, – в открытом доступе данной информации нет.

Информацию о первом в Украине деле по статье 441 «Экоцид» пресс-служба аппарата Верховной рады Украины опубликовала 15 февраля 2024 года. Что интересно, речь идет об обстреле Национального научного центра «Харьковский физико-технический институт», где расположены ядерная подкритическая установка «Источник нейтронов» и хранилище ядерных материалов. Как показала экспертиза, обстрелы могли привести к разрушению активной зоны и выбросу радиационных частиц, что вызвало бы экологическую катастрофу и загрязнение территории в пределах 10 километров. Прокуратура установила, что российские войска знали о нахождении на территории центра подкритической установки и были осведомлены о возможных последствиях. Что позволяет квалифицировать обстрелы как умышленные действия. Также украинской разведкой установлены лица, которые непосредственно отдавали приказы по обстрелу и являются ответственными.

Почему именно этот случай представлен как первое дело об экоциде? Скорее всего, это связано с доказательной базой. Есть экспертное свидетельство о том, что обстрел мог привести к экологической катастрофе (см. статью 441 Уголовного кодекса Украины). Также действия квалифицируются как умышленные. Названа и группа лиц, которым предъявлено обвинение (заочно) и которые могут получить соответствующее наказание – от восьми до 15 лет лишения свободы. Таким образом, обстрел научного центра лучше ложится в рамки формирования дела об экоциде, чем, например, подрыв плотины Каховской ГЭС, который хоть и привел к большим экологическим последствиям, однако требует более долгосрочного рассмотрения, а делопроизводство по нему может занять до десяти лет, пока будут зафиксированы все последствия, проведена экспертиза и определены виновные.

Перспективы признания термина «экоцид» на международном уровне

Сегодня Украина в первую очередь заинтересована в том, чтобы экоцид и другие военные преступления были признаны на международном уровне. С этой целью в стране был ратифицирован Римский статут. С этой же целью украинские экологические организации участвуют в многочисленных международных конференциях, посвященных данному вопросу. Пока экоцид будет рассматриваться только на национальном уровне – получить компенсации и возмещение ущерба со стороны агрессора будет тяжело. Конечно, первые на национальном уровне суды по статье об экоциде создадут прецеденты, которые можно будет использовать при рассмотрении преступлений, совершенных юридическими лицами и гражданами Украины. Что станет хорошим подспорьем для защитников окружающей среды в будущем. Однако добиться ответственности за военные преступления проще на уровне Международного суда ООН, который с этой целью и был организован.

Оценить перспективы включения экоцида в Римский статут сегодня сложно. Международные организации и инициативы занимаются сбором подписей под петициями (например, AVAAZ, StopEcvocide, Change). Группы юристов в рамках таких международных инициатив, как StopEcocideInternational или EndEcocide, работают над формулировками возможных международных соглашений и лоббируют признание данного преступления. Правовые системы разных стран постепенно, хоть и медленно, адаптируются к включению экоцида в свое поле. Так, например, Европарламент в 2024 году добавил в список уголовно наказуемых деяний преступления, «сравнимые с экоцидом». Однако пока это все на уровне разговоров и теорий. Ни одного дела, ни одного постановления суда, ни одного понесенного наказания по статье об экоциде не было.

Также признание экоцида может открыть правовой ящик Пандоры, который многие правительства и компании, конечно же, хотели бы держать закрытым. Есть ли срок ответственности за преступления против природы? Как определить климатический аспект экоцида? Является ли статья об экоциде экстерриториальной? После первых прецедентов в Международный суд ООН может быть подано огромное количество исков, так как только за XX – начало XXI века мы можем найти множество преступлений человека против природы, сравнимых с экоцидом.

Тем не менее с высокой долей вероятности можно сказать, что ситуация с международным признанием экоцида значительно продвинется после первых прецедентов по делу. Сегодня в Украине формируют правовую базу, которая затем может быть использована экологическими организациями и инициативами по всему миру. С 1970 года, когда впервые прозвучал термин «экоцид», международная правовая система не была настолько близка к тому, чтобы провести первое дело по статье об экоциде. И, возможно, сделать так, чтобы виновные в преступлениях против природы получили заслуженное наказание.

Строительство Керченского моста повлекло за собой ряд глобальных изменений – инфраструктурных и территориальных, а также изменений в биоразнообразии и гидрогеологических условиях прилегающих морей еще до полномасштабного вторжения в Украину.
Alexxx Malev / flickr.com

https://www.flickr.com/photos/alexxx-malev/51417905351

Улики экоцида

Как собирают данные для анализа экологического ущерба от полномасштабного вторжения России в Украину.

АЛЕКСЕЙ ОВЧИННИКОВ

Российская война в Украине стала, пожалуй, первым крупномасштабным военным конфликтом, за которым можно наблюдать онлайн. Связано это и с развитием медиа Web 2.0, когда почти каждый человек, оказавшийся в зоне боевых действий или под обстрелом, может стать военным корреспондентом, и с высоким уровнем развития спутникового мониторинга. Такие ресурсы, как, например, Sentinel Hub EO или NASA World View, позволяют практически всем желающим проводить анализ.

Столь высокий уровень развития технологий и мониторинга, по идее, предполагает возможность быстро получить все необходимые данные о последствиях, в том числе экологических. Однако не все так просто. Для более детального анализа все еще необходимо проводить полевые исследования и лабораторный анализ, что делать в условиях боевых действий становится все тяжелее, поскольку интенсивность их уже почти три года держится на высоком уровне.

В статье мы рассмотрим, как проходит анализ экологических последствий российской войны в Украине, к каким предварительным выводам уже пришли эксперты и с какими трудностями сталкиваются. Отметим, что собранные данные будут использоваться Украиной для получения компенсации за нанесенный окружающей среде урон. Это значит, что с высокой долей вероятности нас впервые в истории ждет международное рассмотрение дела об экоциде. Однако это также означает, что данные должны быть проверены, необходимо не только получить спутниковые подтверждения, но и сформировать необходимую свидетельскую базу, которая смогла бы выстоять в суде. Украина сейчас активно включена в этот процесс, некоторые предварительные выводы уже сделаны. Работа ведется и международными группами, например UWEC Work Group.

Сложности в датировке и диагностике

Первое, на что стоит обратить внимание, анализируя экологический ущерб в результате российского вторжения в Украину, – период рассмотрения. Война в Украине идет с февраля 2014 года. Ее началом можно считать оккупацию Крыма российскими войсками, которая началась 27 февраля. Десять лет оккупации привели к значительному экологическому урону как на территории полуострова, так и на востоке Украины.

Подробнее об этом:

Девять лет аннексии Крыма. Экологические последствия милитаризации.

Керченский мост: влияние российского «проекта века» на окружающую среду.

Сбор данных об экологических последствиях войны проводился и до полномасштабного вторжения. Так, украинская организация «Экология. Право. Люди» (ЭПЛ) с 2014 года документирует преступления против природы во время российской войны. Одной из целей было запустить делопроизводство по статье 441 «Экоцид» Уголовного кодекса Украины. Тем не менее до полномасштабного вторжения ни одного дела по этой статье рассмотрено не было. Как отметила в интервью UWEC Work Group исполнительный директор ЭПЛ Елена Кравченко, в период с 2014 по 2022 год к этой статье в украинском суде апеллировали лишь раз, когда под понятие экоцида пытались подвести уничтожение нескольких деревьев.

Вскоре после февраля 2022 года, когда стало очевидно, что новый виток войны будет катастрофическим для природы, ЭПЛ приступила к разработке «золотого стандарта». Это означало формирование четких нормативных инструкций и правовой базы, которая позволила бы запустить делопроизводство. В частности, организация разработала семь критериев, по которым то или иное преступление против природы может быть определено как экоцид.

Напомним, что хотя со времен войны во Вьетнаме экоцид активно обсуждается в международной экологической повестке – в международном суде дела по этой статье еще не рассматривались. При этом, что интересно, в уголовных кодексах многих стран постсоветского пространства статья об экоциде присутствует. Есть она и в уголовных кодексах Украины и России. Причем возбуждение дела по статье 358 Уголовного кодекса Российской Федерации также связано с войной в Украине. В 2021 году было возбуждено дело об экоциде в результате «водной блокады» Крыма, а именно перекрытия Северо-Крымского канала в 2014 году. Что якобы привело к гибели большого количества животных. Хотя, например, последствия для природы строительства Керченского моста и ведущей к нему магистрали рассмотрены Следственным комитетом России не были.

Однако для сбора информации и данных об экологических последствиях войны необходимо, чтобы они были верифицированы. И вот тут появляются нюансы.

Сегодня в Украине работают несколько ресурсов по анализу нанесенного российской войной экологического ущерба. Один из основных – Ecozagroza, официальный ресурс Министерства защиты окружающей среды и природных ресурсов. Всего, по состоянию на 14 августа, представителями Государственной экологической инспекции был зафиксирован 5531 факт преступления против природы. Экологические последствия войны оценены в 2,562 трлн гривен, или 62,35 трлн долларов. Однако до конца не ясна методология сбора и оценки ущерба данным ресурсом. Вполне возможно, что ряд случаев не пройдет проверку на верификацию как в украинском, так и международном суде.

Занимаются сбором данных и экологические организации, такие как ЭПЛ, «Экодия», Greenpeace и другие. Их статистика задокументированных случаев не столь внушительна, однако высока вероятность, что именно их исследования смогут сформировать необходимую для суда доказательную базу.

Как осуществляется сбор данных об экологических последствиях войны в Украине

Сбором данных в полевых условиях сегодня занимаются представители Государственной экологической инспекции, ученые и представители общественных организаций. В отличие от Госинспекции ученые и представители НКО представляют результаты своих исследований открыто, что позволяет анализировать их в том числе удаленно (что особенно удобно для работы международных групп). Однако продолжающиеся на востоке страны боевые действия, высокий уровень заминирования освобожденных территорий и непрекращающиеся обстрелы городов, которые, в частности, приводят к разрушению академических зданий и лабораторий, создают тяжелейшие условия для полевых работ. Поэтому предварительный анализ в большинстве случаев осуществляется, например, с помощью спутникового мониторинга.

По способу сбор данных можно условно разделить на полученный через OSINT-анализ, в основном спутниковый мониторинг, и непосредственно полевые исследования. Хотя последние чаще всего бывают более достоверны – сегодня они составляют лишь небольшой процент собранных материалов.

Как уже отмечалось, особенностью войны в Украине является высокий уровень получения информации. Многие события начала войны были зафиксированы и выложены в открытый доступ в социальных сетях, телеграм-каналах. В первое время война фактически транслировалась онлайн, что позволяло исследователям собирать и группировать данные, проводя мониторинг многочисленных новостных и телеграм-каналов, групп в Facebook и других источников открытых данных. По такому принципу, например, составлена карта экологических последствий войны украинской организации «Экодия» (Ecoaction).

Однако с открытыми данными возникает вопрос признания их достоверности. Один из способов решения – верифицировать открытые данные через официальные службы, когда то или иное преступление подтверждают официальные лица. Другой – с помощью спутникового анализа. При этом, к сожалению, как среди украинских экологов, так и в целом в среде региональных экспертов уровень работы со спутниковыми данными на первых этапах вторжения не был достаточно развит. На помощь пришли международные группы, которые уже имели опыт анализа экологических последствий военных конфликтов в других странах. Среди них стоит отметить CEOBS и PaxForPeace.

С начала полномасштабного вторжения группа CEOBS совместно с Zoï Environment Network опубликовала серию общих исследований об экологических последствиях (брифинги по окружающей среде). Например, о влиянии войны на побережье и морские экосистемы или на нефтяную инфраструктуру.

Также в настоящее время ведется работа по наполнению интерактивной карты, где представлен анализ конкретных примеров катастрофического влияния на окружающую среду: обстрела НПЗ, разрушения дамб, падения ракет и других последствий войны. Например, проанализированы последствия осады «Азовстали», обстрела НПЗ в Кременчуге, разрушения плотины на реке Ирпень, боев за Змеиный остров и многое другое. Это уже более детальный анализ, который может быть использован в будущем в правовом поле.

В основу работы экспертов CEOBS чаще всего положен спутниковый анализ. То есть эксперты группы анализируют снимки и на основании тех случаев, где можно было провести замеры (например, выбросов во время токсичных пожаров), прописывают предполагаемые последствия.

Однако и OSINT-анализ, и спутниковый анализ не обладают той достоверностью, которую предоставляет полевое исследование. Как было сказано выше, их география и возможности ограничены, тем не менее они проводятся сегодня в Украине.

Первые полевые выезды по документации экологических последствий российского вторжения в Украину начали фиксировать уже осенью 2022 года. Как рассказала UWEC Work Group эксперт ЭПЛ Екатерина Полянская, первые экспедиции были организованы в район освобожденных территорий Киевщины.

Наиболее значимыми полевыми исследованиями стали экспедиции в район Каховского водохранилища после подрыва дамбы в июне 2023 года. Мониторинговая группа организовала четыре экспедиции на дно бывшего Каховского водохранилища. Они позволили проверить две основные гипотезы ученых о негативных последствиях катастрофы: опустынивание дна, что могло бы привести к развитию пыльных бурь и, как следствие, распространению содержащих тяжелые металлы наносов, а также захват дна водохранилища инвазивными видами. К счастью, обе гипотезы не подтвердились. Дно водохранилища начало быстро зарастать местными видами, а именно ивняком и тополями, что способствовало восстановлению существовавшей до строительства Каховской ГЭС экосистемы леса Великий Луг. Последняя экспедиция даже показала, что в новообразовавшемся лесу начала формироваться ярусность. Это означает формирование устойчивой экосистемы.

Активное развитие экосистемы леса Великий Луг на территории бывшего Каховского водохранилища поставило вопрос о необходимости восстановления Каховской ГЭС. Об этом, в частности, неоднократно писали эксперты UWEC Work Group.

Подробнее о решении вопроса восстановления Великого Луга и Каховской ГЭС:

Вызовы Каховки. Годовщина подрыва плотины и перспективы восстановления экосистем Нижнего Днепра.

Взрыв Каховской плотины – тест на «зеленый выбор» в деле восстановления Украины.

Почему стоит возродить Великий Луг?

Почему не нужно восстанавливать Каховскую ГЭС и какой проект восстановления следует поддержать?

Пожары в результате авиационных ударов по инфраструктуре Мариуполя и штурма в районе морского порта и завода «Азовсталь».
Фото: armyinform.com.ua

https://armyinform.com.ua/2022/04/20/tryvayut-aviaudary-po-mariupolyu-vorog-zdijsnyuye-shturmovi-diyi-v-rajoni-morskogo-portu-ta-zavodu-azovstal/

Сегодня на базе общественных объединений, которые активно работают с местными сообществами

«Аскания-Нова» – широко известный заповедник в Украине, имеющий статус биосферного резервата ЮНЕСКО. Это самый большой участок целинных степей, сохранившийся в Украине. С 2022 года эта часть Херсонской области находится под оккупацией, на территории заповедника вырыты окопы, по вине оккупантов произошло несколько крупных пожаров. Есть опасения, что российские власти примут решение вывезти животных из заповедника.
Фото: NativePlanting – Own work, CC BY-SA 4.0
https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=107132887

(грамадами), формируется платформа, выступающая против восстановления Каховской ГЭС и за сохранение территорий бывшего водохранилища как успешного опыта ревайлдинга.

Классификация экологических последствий российского вторжения в Украину

Как таковой классификации экологических последствий сегодня нет. Каждая организация выбирает свои критерии, которыми могут быть, например, энергосистемы, природоохранные территории, водные ресурсы, инфраструктурные объекты и т. д. Условно их можно разделить на разрушение инфраструктуры и промышленных объектов, что привело к загрязнению окружающей среды, и непосредственное воздействие на экосистемы (лесные пожары, обстрелы природоохранных территорий). Отдельными категориями можно выделить загрязнение военной техникой и снарядами, а также заминирование территорий, что означает в том числе потерю их рекреационной и экологической функции.

Отдельно стоит отметить последствия для природоохранного фонда Украины. Именно на анализе этой категории, например, делали акцент эксперты ЭПЛ, когда приступали к исследованию экологических последствий войны в 2014-2015 годах.

Очевидно, что природоохранный фонд значительно пострадал в результате вторжения. Часть заповедников, национальных парков и заказников оказалась на оккупированных территориях. В том числе знаменитый заповедник «Аскания-Нова».

Подробнее об оккупации заповедника «Аскания-Нова»:

Биосферный заповедник «Аскания-Нова» захвачен оккупантами.

Пожары в «Аскания-Нова». Последствия военной оккупации заповедника.

По состоянию на ноябрь 2023 года, по данным WWF и Министерства защиты окружающей среды и природных ресурсов Украины, около 20% природоохранных территорий пострадали от боевых действий, под оккупацией находится 514 объектов ПЗФ, под угрозой уничтожения – 160 территорий Изумрудной сети (2,9 млн га) и 17 рамсарских угодий (600 тыс. га).

При этом страдают не только природоохранные территории,

Пострадали национальные парки и заповедники, находящиеся на западе Украины, вдалеке от боевых действий. «Восточные Карпаты», «Расточье» и Карпатский биосферный резерват не имеют достаточного финансирования и не получают части доходов от посещения туристами экологических маршрутов из-за запрета посещать приграничные территории. На фото: биосферный резерват «Восточные Карпаты».
Фото: Sebastian Mierzwa — Own work, CC BY-SA 4.0
https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=60182494

находящиеся на оккупированной территории или в непосредственной близости к зоне боевых действий. Даже расположенные в Западной Украине заповедники испытывают трудности. Во-первых, в условиях войны уменьшилась возможность мониторинга территорий, что позволило усугубиться традиционным для Украины проблемам браконьерства и черных лесорубов. Так, продолжается борьба за один из самых громких экологических проектов Украины – массив Свидовец, планы по застройке которого все еще существуют. Во-вторых, заповедники и национальные парки страдают от нехватки посетителей. Туристические потоки значительно сократились, что отразилось на бюджете национальных парков. Иностранный туризм фактически оказался сведен к нулю, а внутренний туризм в Украине, хоть и незначительно увеличился, все же не может покрыть нужды природоохранных территорий, которые, как следствие, еще больше нуждаются в государственной и иностранной финансовой поддержке.

Подробнее об экологических последствиях войны для природоохранных территорий Украины:

Что происходит: защита или деградация охраняемых природных территорий Украины?

Проблемы природоохранных территорий в Украине во время войны.

Косвенные экологические и климатические последствия российской войны в Украине

Важно не забывать и о косвенных последствиях войны в Украине. Конечно, они отличаются от мониторинга последствий, однако обсуждение и сохранение внимания играют важную роль, позволяя предотвратить еще более катастрофический эффект на человека и природу.

Среди косвенных последствий можно выделить влияние на мировую энергетическую политику и вопрос устойчивого восстановления Украины. Однако это не полный список. Также можно отметить поляризацию климатической политики, политизацию и давление на экологические организации в самой России, включение экологической и климатической повестки в пропаганду, давление на экологические организации в странах, находящихся в поле геополитических интересов России, – Беларусь, Кыргызстан, Грузию, Казахстан. Поскольку в данной статье акцент делается именно на экологических последствиях для Украины, то остановимся на вопросах энергетической политики и восстановления страны.

С начала российского полномасштабного вторжения украинские и международные экологические организации объединились с целью вве-

дения эффективных санкций против России. В первую очередь против российского ископаемого топлива, торговля которым не только финансировала военную машину, но и поддерживала зависимость стран от газа, нефти, угля. Тем самым способствуя увеличению выбросов парниковых газов.

Одной из основных инициатив, призывающих усилить углеродные санкции против России, является Razom We Stand. При этом участники инициативы не просто призывают к санкциям, но и в целом настаивают на необходимости сократить, а в ближайшем будущем максимально отказаться от использования ископаемого топлива. Обусловлено это и тем, что именно торговля углеродными энергоресурсами может стать механизмом давления со стороны авторитарных режимов. Также, к сожалению, России через посредников зачастую удается обойти санкции, в то время как уровень глобального потребления углеродного топлива за последний год достиг максимальных показателей.

Поэтому санкции окажутся эффективными только в том случае, если они будут сопровождаться амбициозными проектами по зеленому энергетическому переходу, развитию энергоэффективности, достижению климатической нейтральности и отказу от углеродного топлива. В Европе таким планом должен был стать RePowerEU, который был запущен вскоре после начала полномасштабного вторжения в 2022 году. За два года работы удалось сократить на 18% потребление газа и развить ВИЭ, однако для большей эффективности цели должны быть поставлены еще более грандиозные.

Подробнее об этом:

Работают ли санкции против России, и если нет, то почему: Экологическая перспектива.

Восстановление Украины является еще одной темой, на которую принципиально важно обратить внимание сегодня. Еще в начале российского вторжения один из экспертов UWEC Work Group и глава Украинской природоохранной группы Алексей Василюк отмечал, что «основные проблемы для природы могут начаться после окончания войны». Подтверждают это и исследования. Так, по данным исследования о климатических последствиях, вызванных российской войной, в котором, в частности, принимала участие организация «Экодия», около 36% выбросов парниковых газов придется на восстановление разрушенных домов и инфраструктуры. Для сравнения: выбросы от использования военной техники не превысят 25%, а вызванные боевыми действиями масштабные пожары – 15%.

Уже в Лугано в 2022 году украинские экологические организации выступили единым фронтом, чтобы заявить – восстановление должно быть устойчивым и ориентировано на зеленые ценности. В частности, были представлены основные принципы, которым правительство Украины должно руководствоваться, разрабатывая план восстановления территорий. Это в том числе позволит достигнуть взятых в рамках вступления в ЕС обязательств по увеличению площади природоохранных территорий и целей климатической нейтральности. По этой причине акцент делается на необходимости поиска более экологичных способов решения вызванных войной проблем. Например, в вопросе восстановления Каховской ГЭС, реконструкция которой в действительности не решит ни водно-ресурсных, ни энергетических, ни сельскохозяйственных проблем.

Подробнее об этом:

Почему не нужно восстанавливать Каховскую ГЭС и какой проект восстановления следует поддержать?

Экологи раскритиковали план восстановления Украины.

Итоги URC23. Какие возможности для инвестиционных проектов представила Украина?

Ukraine Recovery Conference 2024 в контексте «зеленого» восстановления. О чем шла речь?

Тема зеленого восстановления Украины сегодня является одной из самых горячих и важных в обсуждении экологических последствий войны. С одной стороны, она наглядно показывает, что процесс сбора и анализа данных экологических последствий войны не закончится сразу после подписания мирных соглашений, а будет продолжаться еще долгие годы. С другой стороны, она дает надежду на то, что в восстановленной Украине экология и вопросы адаптации к изменению климата станут во главе политических решений, что придаст импульс амбициям европейского плана Green Deal, а также станет подспорьем для развития экологического движения и политики в других странах региона.

25 августа в рамках традиционной Всемирной недели воды (World Water Week) в Стокгольме прошла дискуссия «Разрушенная Каховская плотина в Украине – современные и будущие вызовы», организованная Украинской природоохранной группой, Национальным университетом «Киево-Могилянская академия» и Шведским университетом сельскохозяйственных наук.

https://goo.su/mpKX2

Дело не доходит до суда или разваливается

О ситуации с экологическим законодательством и его правоприменением в РФ.

НИКОЛАЙ ФЕДОРОВ

Одним из наиболее частых экологических преступлений, доходящих до суда в РФ, оказывается незаконная рубка леса.
Фото: depositphotos.com

https://depositphotos.com/ru/photos/%D0%B2%D1%8B%D1%80%D1%83%D0%B1%D0%BA%D0%B0-%D0%BB%D0%B5%D1%81%D0%B0.html?qview=66616535

Разрушающее воздействие на окружающую среду может давать повод для применения разных инструментов права. В определенных случаях можно говорить и о преступлениях – то есть действиях, несущих угрозу интересам и благополучию общества, пресекать которые прямая обязанность правоохранительной системы государства. О том, что считает экологическим преступлением российское уголовное право, и как на практике происходит их расследование – материал «Экологии и права», представляющий мнение экспертов-экологов.

Листая Уголовный кодекс

Формально понятие «экологическое преступление» достаточно четко закреплено в российском законодательстве. С точки зрения российского уголовного права под это определение подпадают общественно опасные деяния, которые нарушают право граждан на благоприятную окружающую среду, а также посягают на действующие нормы, призванные обеспечивать рациональное и безопасное использование природных ресурсов (при этом сохранение природы, если обратиться к статье 58 Основного закона РФ, является конституционной обязанностью российского гражданина). Пресечение таких деяний, соответственно, относится к прерогативе государства по обеспечению правопорядка, а зна-

чит, включено в круг деятельности его надзорных, правоохранительных и следственных органов.

В Уголовном кодексе экологическим преступлениям посвящена глава 26, в которую входит 19 статей. Их составы включают в себя разнообразные действия, наносящие ущерб природной среде – от незаконной охоты и рыбной ловли до загрязнения вод, атмосферы и почв. К уголовным преступлениям относится также уничтожение мест обитания особо ценных видов животных и растений, нарушение режима особо охраняемых природных территорий, нарушение правил охраны и использования недр и ряд других.

Наказания по статьям главы 26 УК заметно варьируются. Основным видом наказаний выступает штраф. В некоторых статьях нижняя граница штрафа не определяется – в частности, в статьях 258 «Незаконная охота» и 260 «Незаконная рубка лесных насаждений» (где фактические объемы нанесенного ущерба могут крайне различаться по масштабу). Наиболее высокая сумма штрафа по статьям, квалифицирующим экологические преступления, определяется в 3 млн рублей. Как правило, для назначения такой суммы нужны дополнительные отягчающие обстоятельства. Например, трехмиллионный штраф может быть назначен за уничтожение леса путем поджога в том случае, если поджогом был нанесен крупный ущерб (часть 4 статьи 261), или незаконную рубку леса, совершенную группой лиц по предварительному сговору и также причинившую крупный ущерб.

Некоторые экологические преступления предусматривают лишение свободы, причем максимальный срок наказания может доходить до десяти лет.

Для вынесения приговора, связанного с лишением свободы, требуются серьезные отягчающие обстоятельства, не связанные непосредственно с нанесением вреда природе. Прежде всего, крупный срок может быть вынесен непосредственным виновникам экологического преступления (например, при нарушении правил обращения с опасными отходами или поджоге леса), если их действия повлекли смерть человека. Также приговор, связанный с лишением свободы, может выноситься при некоторых экологических преступлениях, если они совершены группой лиц и при использовании служебного положения. Так, наказание до девяти лет предусмотрено за незаконный сбор и оборот занесенных в Красную книгу особо редких растений и грибов, а также за отлов и оборот особо ценных животных, если эти действия совершены группой лиц по предварительному сговору (часть 6 статьи 260.1 и часть 3.1 статьи 258.1 соответственно).

Все статьи предусматривают варьирование наказания в зависимости от нанесенного ущерба и особенностей осуществления преступления (использование служебного положения, групповой характер и т. д.). Впрочем, как правило, под состав уголовного преступления могут подпадать и относительно «скромные» деяния. В частности, согласно статье 260 «Незаконная рубка лесных насаждений» ущерб от незаконной рубки признается значительным, если его сумма превышает 5000 рублей, и крупным – если ущерб превысит 50 000 рублей.

На языке статистики

Как видим, с точки зрения действующего законодательства государство наделено полномочиями для преследования нарушителей, наносящих разные виды ущерба природной среде, и может через суд приговаривать их к различным видам наказаний в зависимости от степени ущерба, характера преступлений и разных дополнительных обстоятельств. Однако это остается достаточно отвлеченным соображением, если не рассматривать фактическое правоприменение – то, как в действительности в России расследуют экологические преступления и наказывают тех, кто их совершает, и какие обстоятельства влияют на то или другое состояние дел.

Здесь можно обратиться к статистическим данным, а также к мнению экспертов, согласившихся на условиях анонимности побеседовать с изданием. К нашему разговору мы привлекли активистов экозащитных организаций, работающих в европейской и азиатской частях РФ, имевших большой опыт обращения к государственным контролирующим органам по фактам экологических преступлений, а также участия в судах.

Представление о статистике рассмотрения дел по экологическим преступлениям можно составить из специального соответствующего обзора, утвержденного Президиумом Верховного суда 24 июня 2022 года. Из него следует, что по крайней мере с 2019 по 2021 год в России по статьям главы 26 Уголовного кодекса РФ было осуждено, соответственно, 6189 человек в 2019-м, 5299 в 2020-м и 5943 в 2021 году). По данным, приводимым «Адвокатской газетой» за первую половину 2023 года, в России по «экологическим» статьям УК осудили 2659 человек. Таким образом, количество осужденных колеблется в определенном коридоре, но превышает 5000 в год. Согласно данным обзора, преступления, квалифицируемые статьями главы 26 УК, составляют около 1,3% всех уголовных дел, поступивших в российские суды.

Разбивка уголовных дел по конкретным статьям показывает, что с 2019 по 2021 год почти половина осужденных (49,2%) получили приговор за незаконную рубку леса, еще 39,4% – за незаконный вылов рыбы, а еще 5,2% – за незаконную охоту. По данным статистики, за первое полугодие 2023 года 1020 из 2659 осужденных привлечены к ответственности по статье 256 – то есть за вылов рыбы.

Суровый бой мелким нарушителям

Как можно понять из статистических данных, государство применяет инструменты уголовного права, главным образом, к постоянным, но единичным нарушениям, связанным с браконьерством и незаконными рубками, которые достаточно легко выяв-

49,2% **осужденных получили приговор за незаконную рубку леса с 2019 по 2021 год**

За месяц в нерестовый период рыбинспектор может составить десятки протоколов и они пойдут в суды, также может быть проведена большая проверка на предприятии-загрязнителе и установлен крупный ущерб, но, по статистике, это будет одно уголовное дело.
Фото: depositphotos.com

https://depositphotos.com/ru/photos/poacher-boat.html?qview=238166004

ляются действующими инспекторскими службами в лесах и на водах.

«За месяц в нерестовый период рыбинспектор может составить десятки протоколов и они пойдут в суды, – говорит экоактивист, занимающийся вопросами охраны природы в Центральной России. – За это же время может быть проведена большая проверка на предприятии-загрязнителе, установлен крупный ущерб, по этому делу в суде выпишут миллионный штраф, но, по статистике, это будет одно уголовное дело».

В этом заключается одна из сложностей в оценке общей эффективности применения «экологических» статей – поскольку сами статьи описывают несопоставимые по масштабу и характеру виды вреда окружающей среде. И, возможно, одно уголовное дело об отравлении вод может пресечь заметно больший экологический ущерб, чем несколько десятков разбирательств о незаконном вылове рыбы, – впрочем, и в данном случае может возникнуть вопрос о том, пресекается ли промышленный вылов, добыча особо ценных пород рыб или речь идет о рядовом браконьерстве. В любом случае, корректная оценка в таких вопросах будет достаточно сложна. Можно лишь констатировать, что большинство дел действительно заводится по фактам незаконной рубки леса, охоты и рыбной ловли – то есть по тем видам преступлений, которые традиционно являются предметом мониторинга со стороны давно действующих на местах инспекторских служб, чья работа в основном направлена на пресечение небольших нарушений. Что, разумеется, никак не умаляет важности подобной работы.

Одним из наиболее частых экологических преступлений, доходящих до суда, оказывается незаконная рубка леса. В самой статье могут быть объединены различные деяния – от индивидуальной порубки для личных нужд без соответствующего разрешения до масштабных промышленных вырубок. Впрочем, по словам наших собеседников, как правило, речь идет именно о мелких порубках, зафиксированных лесниками. Объяснить это можно как небольшим улучшением ситуации в области управления лесами, так и сложностью выявления некоторых действий, наносящих крупный ущерб лесам. «В Европейской части большая часть лесов, с которых есть что взять, отданы в многолетнюю аренду. А арендаторам нет смысла обворовывать самих себя, подставляться им невыгодно, так как их, слава богу, проверяют», – отмечает наш собеседник, занимающийся вопросами охраны природы в Центральной России. Он, впрочем, упоминает о том, что некоторые крупные нарушения могут оставаться безнаказанными: «Я знаю историю, когда Следственный комитет дважды возбуждал и дважды прекращал дело о незаконной вырубке под видом санитарных рубок, поскольку у нарушителя все было обложено нужными бумажками о том, что все вырубленное болело».

«Незаконные рубки – это во многом проблема-спойлер, используемая для того, чтобы отвлечь внимание общества от гораздо более важных и острых проблем управления лесами, – рассказывает также на условиях анонимности крупный специалист по защите лесов, много лет работавший в одном из международных НКО. – Основная угроза лесам – это вполне разрешенные, сопровожденные всеми необходимыми разрешительными документами, но при этом абсолютно бесхозяйственные рубки, при которых не обеспечивается ни неистощительность использования лесов, ни качественное последующее их воспроизводство». По мнению эксперта, именно для того, чтобы не заниматься системной работой, контрольные органы столь активны в пресечении мелких рубок, чаще всего связанных с личной заготовкой дров в сельской местности в обход бюрократических процедур.

Ненадежная стража контрольных органов

Впрочем, даже если говорить об этих относительно массово применяемых статьях, то и здесь работа не выглядит гладкой. Для возбуждения уголовного дела требуется решение органов, имеющих полномочия на такие действия, – то есть прежде всего полиции или Следственного комитета (СК) РФ. Однако работники данных структур относятся к подобным делам сдержанно.

«Многие статьи об экологических преступлениях относятся к так называемым бланкетным статьям, – поясняет еще один собеседник «ЭиП», занимающийся вопросами защиты окружающей среды на востоке России. – Для того чтобы их применить, необходимо обращаться к другим нормам права – например, при незаконном вылове рыбы требуется указать, какая норма запрещает вылов именно

этого вида рыбы таким орудием в этой местности и в это время года». В делах по экологическим преступлениям, продолжает наш собеседник, почти всегда нужно заключение экспертизы, причем в разных случаях – разной, и расследовать их довольно сложно, поэтому полиция и СК берутся за эти дела с неохотой.

Низкая квалификация инспекторского состава, занимающегося выявлением и пресечением преступлений в отношении объектов природной среды, также оказывается одним из ограничивающих факторов в области расследования экологических преступлений. «Документация часто готовится так, что дело не доходит до суда или разваливается», – рассказывает активист, занимающийся вопросами охраны природы в Центральной России, о качестве первичных документов, ложащихся в основу уголовных дел.

Важную роль в общей системе выявления и расследования тех действий, которые могут быть квалифицированы как экологические преступления, помимо уже упоминавшихся инспекторских служб, полиции и СК РФ играют также государственные органы надзора. Это, в частности, прокуратура, в том числе специализированные природоохранные прокуратуры, в задачу которых входит надзор за соблюдением природоохранного законодательства. Кроме того, Федеральная служба по надзору в сфере природопользования (Росприроднадзор), находящаяся в ведении Министерства природных ресурсов и экологии, также наделена функцией надзора за соблюдением природоохранного законодательства – прежде всего в области природопользования (но также и охраны природы на особо охраняемых природных территориях). Именно эта служба вправе проводить проверки соблюдения предприятиями необходимых нормативов выбросов, а также исполнения ими требований природоохранного законодательства.

Оценки эффективности работы данных органов у наших собеседников разнятся.

По мнению экоактивиста, занимающегося вопросами охраны природы в Центральной России, прокуратура достаточно эффективно реагирует на нарушение природоохранного законодательства со стороны малого и среднего бизнеса, а также небольших муниципалитетов, однако этой работе очень не хватает системности: «Скажем, на территории поселка обнаруживается стихийная свалка. Прокуратура посылает в муниципалитет вполне обоснованное представление эту свалку ликвидировать. При этом то обстоятельство, что у этого поселкового муниципалитета годовой бюджет на все про все 50 тысяч рублей и ему, возможно, даже трактор нанять не на что, прокуратуру интересует в последнюю очередь». Как объясняет далее наш собеседник, в некоторых случаях такие ситуации помогают муниципалитетам найти дополнительное финансирование, поскольку, желая избежать неминуемого штрафа, муниципалитеты обращаются на районный уровень, и там принимают какое-то решение. «Но было бы гораздо эффективнее, если бы прокуратура параллельно с выписыванием штрафов также выходила бы на более высокие уровни власти с объяснением, что деревня не может убрать мусор своими силами, и значит, надо что-то исправлять в финансировании муниципалитетов или в законодательстве. Однако такой системной работы, к сожалению, не ведется», – отмечает активист.

Что касается Росприроднадзора, то, по мнению эколога, «последние годы Росприроднадзор достаточно успешно выходит в суды с выявленными нарушениями и часто выигрывает дела», однако касается это прежде всего дел против малого и среднего бизнеса и отдельных муниципалитетов».

Респондент «ЭиП», занимающийся вопросами защиты окружающей среды на востоке России, оценивает деятельность Росприроднадзора крайне скептически: «По моему мнению, Росприроднадзор – самый неэффективный орган в деле защиты окружающей среды». Среди прочего, он выделяет крайнюю неэффективность работы ведомства по выявлению и расследованию разрушения мест обитания краснокнижных животных и растений (состав статьи 259 УК РФ): «Для того чтобы не на словах, а на деле охранять краснокнижные виды и среду их обитания, необходима грамотная инспекторская служба, способная вести регулярную рейдовую работу (как, например,

Работе прокуратуры очень не хватает системности: иногда, например, она посылает в муниципалитет представление ликвидировать стихийную свалку, а в его бюджете нет денег даже на аренду трактора, и это прокуратуру уже не интересует.
Фото: depositphotos.com

https://depositphotos.com/ru/photos/tractor-garbage.html?qview=404032560

Из-за разгерметизации 29 мая 2020 года хранилища дизельного топлива на ТЭЦ-3, принадлежащей корпорации «Норильский никель», в районе Норильска произошла беспрецедентная утечка 21 тыс. тонн нефтепродуктов, которые попали в почву и пресные воды Таймырского полуострова. После вмешательства Владимира Путина Арбитражный суд Красноярского края обязал «Норильский никель» выплатить 146 млрд рублей компенсации. На фото: река Амбарная.
Фото: Ninaras. Собственная работа CC BY 4.0
https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=50482889

рыбоохрана или охотинспекция), выявлять такие виды, определять, что наносит им вред, и принимать действенные меры. И здесь Росприроднадзор абсолютно беспомощен». Стоит отметить, что выявление краснокнижных животных и растений на том или ином участке нередко может служить защитой данной территории от строительных работ или промышленного использования. Оба собеседника «ЭиП», занимающиеся вопросами охраны природы в разных частях России, указывали на проблему слишком быстрой ротации кадров в природоохранной прокуратуре и Росприроднадзоре, многие сотрудники которых считают работу в этих структурах лишь трамплином для перехода на более высокооплачиваемые должности специалистов, ответственных за экологические вопросы на коммерческих предприятиях (в чьи задачи входит как раз поиск формальных способов противодействия претензиям прокуратуры и Росприроднадзора). В этих условиях надзорные органы испытывают большой дефицит опытных работников и плохо готовы к системной работе.

Государство (почти) вне подозрений

Описывая затруднения в расследовании экологических преступлений, собеседники «ЭиП» указывали на системные сложности, связанные с политикой государства в области охраны окружающей среды. В частности, такие сложности создает, по мнению одного из экспертов, уже упомянутое фокусирование внимания надзорных и контрольных органов на нарушениях среднего и малого бизнеса при разной степени игнорирования действий крупных корпораций, так или иначе связанных с государством. «В случае если предприятие тем или иным способом контролируется силовиками, претензий к нему, как правило, тоже не бывает», – добавляет респондент «ЭиП», занимающийся вопросами охраны природы в Центральной России. Учитывая повышение огосударствления экономики и неформальной роли сотрудников силовых структур в контроле над разными видами бизнеса, это фактически дает неформальную (хотя и негарантированную) защиту для значительной части экономических субъектов в их деятельности, наносящей вред окружающей среде и нарушающей природоохранное законодательство, включая УК РФ.

Разумеется, это правило нельзя считать универсальным и не имеющим исключений. Во всяком случае, можно вспомнить о показательном наказании корпорации «Норильский никель», когда после разгерметизации 29 мая 2020 года хранилища дизельного топлива на контролируемой корпорацией ТЭЦ-3 в районе Норильска произошла беспрецедентная утечка 21 тыс. тонн нефтепродуктов, которые попали в почву и пресные воды Таймырского полуострова. Тогда обсуждение последствий аварии и устранение ее последствий стало поводом для спе-

циальной видеоконференции с участием президента РФ Владимира Путина, главы «Норильского никеля» Владимира Потанина и экологических активистов, проведенной 5 июня 2020 года. На ней глава российского государства в форме высказываемых ожиданий фактически потребовал от «Норильского никеля» профинансировать все необходимые работы по ликвидации последствий аварии и компенсации ущерба окружающей среде.

В феврале 2021 года Арбитражный суд Красноярского края обязал «Норильский никель» выплатить 146 млрд рублей компенсации – эта сумма стала беспрецедентной для дел о компенсации компаниями ущерба окружающей среде.

Впрочем, дела о компенсации ущерба в этом, как и в других подобных разбирательствах, находятся вне уголовного права и рассматриваются отдельно в рамках гражданских исков (которые в данном случае выдвигает Росприроднадзор).

Что касается именно уголовных разбирательств по факту аварии, то они привели к достаточно скромным результатам. В частности, руководители ТЭЦ-3 стали фигурантами дела по статье 246 УК РФ «Нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ» и 15 августа 2023 года получили от одного до полутора лет исправительных работ с удержанием 10% заработка в пользу государства (при максимальном наказании по данной статье в виде пяти лет лишения свободы с лишением права занимать определенные должности на срок до трех лет). Мэр Норильска Ринат Ахметчин, также ставший фигурантом уголовного дела в связи с утечкой, получил приговор по статье 293 «Халатность» (шесть месяцев исправительных работ) – то есть был осужден по составу, не рассматривающему непосредственно аспект общественно опасных деяний против природной среды.

Как можно видеть, даже в случае с беспрецедентным ущербом природной среде, к которому было привлечено внимание непосредственно главы государства, процессуальный результат был связан, прежде всего, с гражданским иском о возмещении ущерба, а не с осуждением за экологическое преступление.

Активист, занимающийся вопросами защиты окружающей среды на востоке России, вспоминает об аварии севшего на мель на западном побережье Сахалина 28 ноября 2015 года танкера «Надежда», в результате которой в море вылилось несколько сотен тонн дизельного топлива и мазута (при том, что «Надежда» по своему классу не предназначалась для перевозки тяжелых нефтепродуктов, к которым относится мазут). Последствием разлива стала массовая гибель морских птиц в заливе Невельского. По делу о разливе был осужден капитан танкера, обвинявшийся, в числе прочего, по «экологической» статье 247 УК «Нарушение правил обращения экологически опасных веществ и отходов». 7 октября 2016 года капитан, с учетом раскаяния и признания вины, был приговорен городским судом Невельска к штрафу в 120 тысяч рублей.

«Это один из немногих примеров осуждения лица, ответственного за экологический ущерб, который возник в результате нарушений при ведении экономической деятельности. Обычно, даже если нанесенный значительный экологический ущерб установлен и рассчитан, предприятие платит штраф и, возможно, компенсирует ущерб; личной уголовной ответственности почти никогда никто не несет», – поясняет активист.

Собеседник «ЭиП», занимающийся вопросами охраны природы в Центральной России, обращает внимание на то, что даже в случае с вызвавшей огромный резонанс и многомесячные общественные протесты попыткой построить крупный мусорный полигон на станции Шиес в Архангельской области дело не завершилось уголовным разбирательством против конкретных виновников: «Возле Шиеса вырублен лес, на его месте организована забетонированная площадка. Строительство этого объекта признано незаконным в нескольких судебных инстанциях. Однако никто из виновных не наказан». Несоразмерность деяний, объединенных общим определением «экологические преступления», заставляет нашего собеседника достаточно неоднозначно относиться к сложившейся практике, по которой расследования экологических преступлений практически никогда не заканчиваются приговорами с фактическим лишением свободы: «Наверное, жестоко и несправедливо сажать в тюрьму сельского жителя, срубившего в лесу пять деревьев без необходимых документов. В этом случае достаточно других санкций, осложняющих его жизнь. Однако если виновные в крупном ущербе окружающей среде получают условные сроки, это вряд ли оправданно».

Протесты против строительства мусорного полигона в Шиесе принесли результат – стройка была остановлена, но лес уже вырублен, возведены капитальные постройки и сооружена забетонированная площадка. Однако никто из виновных не наказан.
Фото: informupack.ru

https://informupack.ru/upload/iblock/a32/a32286d7994b2bf8e8e3014527adaeff.jpg

Впрочем, эксперт отдельно выделяет случаи таких связанных с экологической проблематикой уголовных дел, которые касаются покушения на финансовые интересы государства. И тогда речь действительно может идти о реальных сроках. «Могу предсказать, что в ближайшие месяцы могут начаться разные разбирательства по проекту «Оздоровление Волги» – на него были потрачены громадные средства из бюджета. При этом проект, по сути, не выполнен. Это потребует от контрольных органов расследований и, видимо, уголовных дел». Напомним, что федеральный проект «Оздоровление Волги» в рамках национальной программы «Экология» реализуется с 2020 года и должен завершиться в 2024 году. В рамках реализации проекта, на который было выделено 1,5 млрд рублей, предусматривалось строительство десятков очистных сооружений на всем протяжении течения Волги, однако, как показывают результаты проводящихся проверок, эффективность многих из них оказывается значительно ниже заявленных характеристик. Впрочем, если такие разбирательства действительно начнутся – можно будет говорить о неэффективных тратах бюджетных средств на связанные с экологией программы, а не о расследовании экологических преступлений. Это лишь одна из иллюстраций государственных приоритетов в расследовании нарушений, связанных с экологией.

Люди и их голоса

Грубое вмешательство в природную среду непосредственно влияет на качество жизни людей и противоречит их важным ценностным представлениям, поэтому многие экологические нарушения, а также попытки застройки и освоения нетронутых природных территорий, такие, например, как уже упоминавшаяся попытка строительства полигона бытовых отходов в Шиесе, могут становиться поводом для общественных протестов и обращений к властям. Это также один из факторов, влияющих на перспективу уголовных расследований экологических преступлений.

«Общественное беспокойство – один из важных способов заставить власти действовать», – отмечает собеседник «ЭиП», занимающийся вопросами защиты окружающей среды на востоке России. По его словам, на эффективность таких протестов обычно влияют не отдельные акции, а регулярная активность, долго сохраняющаяся в социальных сетях, привлекающая внимание властей. «Если люди активно высказываются в соцсетях, если пресса освещает проблему – это очень стимулирует органы», – уверен он. По мнению эколога, несмотря на крайне обостренную реакцию властей

1,5 млрд рублей выделено на проект «Оздоровление Волги», который должен завершиться в 2024 году. Как показывают результаты проводящихся проверок, эффективность многих строящихся в рамках проекта очистных сооружений оказывается значительно ниже заявленных характеристик. Фото: Alexxx Malev / flickr.com

https://www.flickr.com/photos/alexxx-malev/31081486928/

на протестную активность в последние годы, когда активистов пытаются представить марионетками каких-то враждебных стране сил, – на недовольство граждан вопросами охраны окружающей среды власти смотрят достаточно спокойно: «Если люди протестуют в соцсетях, а не перекрывают улицы, к этому относятся с пониманием. Если дело касается вопроса, связанного с защитой животных, то обвинения в ангажированности протестующих могут поступать разве что от непосредственных виновников и понимания у властей они не находят». Впрочем, говорит наш собеседник, ситуация может меняться, если протесты задевают интересы крупных промышленных компаний, а люди выходят на улицу.

В отдельных случаях существующие ограничения на проведение протестов, а также некоторые особенности самопрезентации руководства государственных органов приводят к появлению новых форм поведения граждан: «В последние полтора года мы замечаем странную тенденцию, когда Следственный комитет РФ начал играть большую роль в возбуждении первичных расследований разных дел, связанных с охраной природы. Связано это, впрочем, с активностью главы Следственного комитета Александра Бастрыкина, чья пресс-служба постоянно объявляет о том, что тот «взял под личный контроль» то или другое резонансное происшествие – в том числе связанное с ущербом окружающей среде. Люди теперь часто начинают свою активность с видеообращений: «Бастрыкин, спаси». В последние полгода мы отмечаем вал таких воззваний в связи с экологическими нарушениями. Люди надеются, что это может сработать». Впрочем, экоактивист высказывает скепсис по поводу результативности таких обращений: «Мы наблюдали, как органы СК занимались таким «экологическим» делом под личным контролем Бастрыкина. Возбужденное дело закрыла прокуратура, возбужденное повторно – тоже. Следственные органы здесь обычно предельно формально проводят проверку, чтобы отработать указание, которое им зачем-то спустили сверху. Если дело не какое-то запредельное, они удовлетворятся объясняющими бумагами, которые им представят, и отправят наверх обычную отписку». Это, впрочем, лишь еще один пример того, какое место в общей иерархии активности следственных органов занимает расследование экологических преступлений.

На эффективность протестов влияет регулярная активность, долго сохраняющаяся в социальных сетях, привлекающая внимание властей

Подведем итоги

Таким образом, можно сделать вывод, что действующая правовая система в Российской Федерации теоретически предоставляет необходимые инструменты по применению уголовного права для пресечения различных действий по нанесению ущерба окружающей среде и вынесения нарушителям разных видов наказания – от штрафов и принудительных работ до крупных сроков лишения свободы. Теоретические возможности, впрочем, должны проявляться в практической среде, где важными факторами выступают желание и возможности уполномоченных органов применять подобные уголовные статьи, а также выявлять нарушения. И в этом случае приходится учитывать ограниченную готовность органов расследования заниматься делами по «экологическим» статьям УК РФ, расследование которых требует многочисленных экспертиз. Ограничивающим фактором оказывается также неудовлетворительное качество подготовки инспекторских служб, выявляющих незаконное вмешательство в природную среду, из-за чего некоторые установленные нарушения не удается оформить на уровне, необходимом для судебного разбирательства.

Специализированные органы надзора за экологическими нарушениями, такие как природоохранная прокуратура и Росприроднадзор, по мнению экспертов, не всегда готовы вести системную работу по обеспечению соблюдения природоохранного законодательства. А в самих этих структурах наблюдается высокая текучесть кадров (поскольку карьера в корпоративном секторе оказывается для их специалистов более предпочтительной).

Специфическое место уголовно-правовых инструментов в расследовании нанесения ущерба окружающей среде связано также с тем, что в случае выявления и пресечения экологически вредной деятельности промышленных компаний власти предпочитают использовать другие методы воздействия на ситуацию – в частности, выставляя гражданские иски о возмещении ущерба. Это особенно заметно по крайне ограниченному применению уголовных «экологических» статей даже после предельно громких экологических катастроф, таких как разлив дизельного топлива на ТЭЦ-3 в Норильске в 2020 году. Это может быть отражением нежелания властей расследовать дела по ущербу, наносимому окружающей среде крупными, связанными с государством компаниями, и бизнесом, неформально связанном с силовиками, о чем также говорят эксперты «ЭиП».

Сложившаяся ситуация приводит к тому, что уголовное наказание в основном применяется в отношении мелких правонарушителей, таких как браконьеры и мелкие порубщики леса, а наиболее эффективно пресекаются нарушения природоохранного законодательства структурами малого и среднего бизнеса, не имеющими дополнительной неформальной защиты.

Это, впрочем, делает важным и другой неформальный фактор – общественное недовольство загрязнением или разрушением окружающей среды, которое попадает в сферу внимания властей. По словам опрошенных «ЭиП» экспертов, к таким поводам для общественного протеста (если он не принимает вызывающих форм) власти в большинстве случаев по-прежнему относятся с пониманием и стараются принимать меры, не исключая уголовных расследований.

«Регулирование – не для защиты природы, это рычаг давления на бизнес»:

юрист-международник о судебных практиках в РФ и мире

БЕСЕДОВАЛА ВЕРА КУЗЬМИНА

Война РФ в Украине сильно повлияла на активизм в России, в том числе экологический. Одна часть защитников природы уехала, другая – опасается протестовать. Юрист-международник Кирилл Коротеев рассказал «Экологии и праву» о том, как россияне пытались отстаивать экологические права в суде, почему качество законов в России – как в африканской Гане и какие международные юридические кейсы могут связать права человека и сохранение климата.

– Расскажите, пожалуйста, по каким вопросам россияне обращались в суды до войны.

– Если говорить о довоенной ситуации, то самые масштабные протесты были связаны со строительством мусорных полигонов. Кроме экопротестов в Шиесе в Архангельской области, где собирались построить полигон ТБО, самые известные на тот момент выступления касались строительства мусороперерабатывающих предприятий во Владимирской и Московской областях. Природа этих протестов одна – люди не хотят видеть отходы у себя на заднем дворе, как говорится: not in my backyard.

Но помимо нежелания граждан наблюдать свалку рядом со своим домом есть еще специфика подготовки проектной документации. Разрабатывается огромное количество бумаг, которые как будто подтверждают соблюдение всех экологических требований. Например, мусорный полигон рядом с Клином – Алексинский карьер – сначала планировался как небольшой объект, а после открытия туда стали свозить большее, чем предполагалось, количество отходов, что вызвало протесты. При более внимательном изучении проекта оказалось, что мощности полигона превосходят мощности очистных сооружений, а куда повезут отходы и каким образом избежать загрязнения почвы и рек – непонятно.

В итоге в 2018 году 14 граждан России направили жалобу по поводу Алексинского карьера в Европейский суд по правам человека. К этому моменту все российские суды они проиграли. ЕСПЧ принял к рассмотрению жалобу россиян из подмосковного Клина, указывая, в частности, на ущемленное право на уважение их личной и семейной жизни. Суд вынес решение в пользу россиян. После публикации решения все равно продолжили свозить отходы на свалку. То есть предпочтение было отдано формально выполненным условиям закона.

– И как вы оцениваете такой исход дела? Зачем в России нужны законы по охране природы, если даже решение ЕСПЧ не исполняется?

– Когда речь идет о множестве формально выполненных условий и без какого-то смысла на деле, я вспоминаю слова социолога Эллы Панеях. Она говорила, что в России количество законов как в Германии, а качество – как в Гане. Я с этим согласен. Если смотреть на российские законы в области охраны природы, то создается впечатление существования развитого механизма защиты окружающей среды. Но этот же механизм позволяет снижать нормативы загрязнения атмосферного воздуха, почвы и воды. Я с этим сталкивался в разных регионах. И власти, и люди понимают, что экологические законы нарушаются: через них проходят проверки прокуратуры, Росприроднадзора, Роспотребнадзора, метеослужб, поступают жалобы жителей – они видят масштабы и регулярность нарушений. Допустим, выбросы нефтеперерабатывающего завода под Самарой могут превышать допустимые нормы в 120 раз. Об этом заявляет Роспотребнадзор, а не экоактивисты. Но дальше публикации в местной прессе дело не идет.

Законодательное регулирование влияния промышленности на окружающую среду не используется для защиты природы, это рычаг давления на бизнес. Предприятия-загрязнители получают штрафы в 20-40 тысяч рублей за превышение норм по выбросам – это смешные цифры! Можно, конечно, вспомнить иск к «Норникелю» за разлив 20 тысяч тонн нефтепродуктов под Норильском. Предприятие заплатило 146 млрд рублей за причиненный вред природе, но такие ситуации исключение и не направлены на возмещение ущерба и принуждение к соблюдению экологического законодательства: как известно, деньги пошли на самые разнообразные цели, не только на охрану природы.

Подобный подход не позволяет соблюдать и права человека. Вот еще один пример. В Башкирии есть город Сибай, где работает предприятие по добыче меди. Там власти сообщают информацию о выбросах, которые многократно превышают допустимые нормы, но с большим запозданием. Люди не располагают актуальными данными, поэтому не могут принять решение относительно себя: остаться дома, уехать, потребовать эвакуации. В то же время прокурор делает шахте предписание – но это улучшает статистику прокурорских реагирований, а не качество воздуха.

До войны люди пытались восполнить этот информационный пробел, создавали свои сети наблюдения. Так, в 2017 году красноярский активист Игорь Шпехт запустил народный мониторинг качества воздуха. В осно-

Предприятия-загрязнители получают штрафы в 20-40 тысяч рублей за превышение норм по выбросам – это смешные цифры!

ве системы были простые приборы контроля качества воздуха, которые люди устанавливали у себя на балконах и окнах, приборы собирали и передавали данные в общедоступную базу в режиме реального времени. Это был хороший инструмент для информирования людей и заодно вопросов к властям. Сайт проекта до сих пор работает, в октябре стал активно развиваться телеграм-канал. Однако прорывов в качестве воздуха в Красноярске пока нет.

– Тем не менее если в России истцы не находили справедливости, то они шли в ЕСПЧ. Судя по Алексинскому карьеру – не слишком успешно. Насколько это имело смысл раньше и имеет ли сейчас?

– Я занимаюсь ЕСПЧ, что называется, с детства. До 2005 года я представлял Надежду Фадееву в деле против России. Такие процессы длятся долго. Суть дела состояла в следующем. Фадеева жила с 1982 года в Череповце недалеко от одного из предприятий «Северстали». Выбросы завода превышали допустимые нормы, кроме того, ее квартира располагалась в доме в санитарно-защитной зоне завода. Фадеева могла рассчитывать на отселение, но этого не произошло и она продолжала подвергаться воздействию выбросов. Суд присудил выплатить Фадеевой компенсацию за причинение вреда здоровью в 6000 евро. Это первое и долгое время оставшееся единственным успешное российское экологическое дело.

До сих пор в ЕСПЧ рассматриваются дела из России, поданные в 2009-2012 годах. До войны действительно могли быть последствия от вынесения какого-либо решения, но куда больший эффект имела внешнеторговая деятельность компании. Например, «Северсталь» и НЛМК экспортировали продукцию в Европейский союз и должны были выполнять его требования, в том числе экологические, а значит – показывать иностранным властям, что соблюдают требования, аналогичные европейским. В делах, которые касались мусорных полигонов, никакого внешнего давления не было, мусор не экспортируют, поэтому и действий обычно никаких.

Если государство входит в Совет Европы, в ЕСПЧ можно пожаловаться только на нарушение прав человека, а не в защиту окружающей среды. Вырубленный лес, неприятный запах или отравленная река недостаточны – должен быть пострадавший от загрязнения человек. Жалобу можно подать и в случае доказанного риска для здоровья. Однако Европейский суд также пытался сократить число жалоб по экологическим делам и не хочет «открывать шлюзы». Подобных дел может быть много и для суда нагрузка окажется непосильной. Судьи, возможно, исходят из того, что решать экологические вопросы должны преимущественно сами государства.

До сих пор в ЕСПЧ рассматриваются дела из России, поданные в 2009-2012 годах

– Сейчас в ЕСПЧ подается много климатических исков, насколько они успешны?

– Надо сказать, что в ЕСПЧ довольно много исков от граждан к государствам, но успешным пока стало только одно – от объединения пенсионерок KlimaSeniorinnen. Если коротко – в Европейский суд обратились пожилые женщины из Швейцарии, которые доказывали, что бездействие государства в отношении изменения климата вредит их здоровью. ЕСПЧ вынес решение в пользу истиц, признав, что власти Швейцарии нарушили Европейскую конвенцию по правам человека. Суд постановил, что швейцарские власти не выполнили свои обязательства по двум статьям конвенции: об уважении частной и семейной жизни и о праве на справедливое и публичное разбирательство дела в разумный срок (пенсионерки шесть лет ждали решения в суде Швейцарии). По существу, суд не согласился с их доводами, решил, что риск нарушения их права на здоровье не доказан, и принял только жалобу от ассоциации, основанной заявительницами. Решение суда написано так, что вряд ли кто-то еще сможет обратиться в ЕСПЧ, кроме специализированных НКО. В других решениях указано, что жаловаться по климатическим вопросам необходимо против стран, где люди проживают. Это отрицание глобальной природы климата. Малые острова будут тонуть из-за подъема уровня Мирового океана, хотя виноваты в происходящем страны – крупнейшие эмитенты парниковых газов.

Европейский суд, безусловно, был прав в определении того, какие обязанности есть у государства по принятию мер по сокращению выбросов, которые должны быть научно обоснованы, должны быть направлены именно на сокращение выбросов и задержку глобального потепления, чего швейцарские власти не сделали и продолжают сопротивляться теперь уже обязательному судебному решению.

Параллельно сейчас есть три запроса консультативных заключений в трех международных судах: Международном суде ООН, Международном трибунале по морскому праву и Межамериканском суде по правам человека. Трибунал по морскому праву уже свое заключение вынес. Но и перед ним, и перед Международным судом ООН стоит все же не такая сложная задача: истолковать международное право в свете Парижского соглашения. Межамериканский суд не может поступить так же, потому что он должен толковать договор, содержащий не взаимные обязанности государств, а обязанности государств по отношению к гражданам. В ходе рассмотрения запроса о консультативном заключении в Межамериканском суде правительства активно ссылались на Парижское соглашение, но встречали вопросы судей: как из взаимных обязательств государств перейти к правам человека, особенно если основные загрязнители не находятся в юрисдикции Межамериканского суда (к югу от американо-мексиканской границы). Вот почему именно это заключение будет наиболее интересным и есть надежда, что Межамериканский суд пойдет дальше в определении и прав человека, и обязанностей государств в сфере климата, чем Европейский суд.

Опасение состоит в том, что консультативные заключения Межамериканского суда могут оставаться общими пожеланиями, в то время как дела о защите прав конкретных лиц будут десятки лет находиться на рассмотрении.

Климатическая литигация*:

глобальный феномен и российский пример

Как спасти планету с помощью жалоб – среди климатических исков есть и знаковое дело из России.

МАКАР ВАСИЛЬЕВ

В «деле швейцарских бабушек» ЕСПЧ встал на сторону истиц, которые пытались доказать, что швейцарские власти в значительной степени несут ответственность за жару летом – как следствие изменения климата и что власти не справились со взятыми на себя обязательствами по резкому снижению выбросов парниковых газов. Из-за этого в жаркую погоду пожилые люди не могут выйти на улицу. У юристов, работающих над климатическими исками по всему европейскому континенту, появился ключевой прецедент на уровне ЕСПЧ – важнейшего судебного органа.
Фото: depositphotos.com

https://depositphotos.com/ru/photo/senior-woman-celebrating-in-chair-at-home-11881308.html

Судебные разбирательства, связанные с климатом, становятся неотъемлемой частью общей системы действий вокруг климатического кризиса – с 2017 по 2022 год число таких дел увеличилось почти в 2,5 раза и продолжает расти в последние годы. Активисты, объединяясь с юристами, оспаривают неадекватные политики и бездействие государств, требуют от корпораций сокращения использования ископаемого топлива и ответственности за нанесенный вред. Они добиваются, на уровне национальных и международных судов, чтобы последствия недостаточных действий по борьбе с изменением климата признавались нарушением фундаментальных прав человека, как это было в решении по обращению Ассоциации швейцарских пенсионерок, первом прецеденте такого рода на уровне Европейского суда по правам человека.

Среди климатических дел, ожидающих своего рассмотрения в этой инстанции, есть и дело из России, в котором оспаривается неадекватная климатическая политика российского правительства, нарушающая обязательства Парижского соглашения. Это дело – результат совокупных усилий юридической команды, правозащитных и экологических организаций, климатических активистов, представителей коренных народов и один из ярких примеров системной климатической литигации.

---

* Литигация — процесс решения юридических споров путем обращения в суд. Юриспруденция признает эту форму разрешения конфликтов одним из ключевых методов обеспечения справедливости.

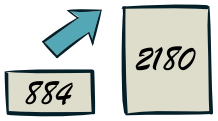
Климатические дела в ЕСПЧ: первые прецеденты

9 апреля 2024 года Европейский суд по правам человека (ЕСПЧ) впервые в своей истории вынес постановления по климатическим делам: целых три обращения были рассмотрены Большой палатой – высшим составом суда, рассматривающим дела, в которых поднимаются серьезные вопросы толкования международного права прав человека.

В нашумевшем «деле португальских подростков» («Дуарте Агостиньо и другие против Португалии и 32 государств-членов) заявители утверждали, что их право на жизнь было нарушено 33 государствами – участниками Совета Европы. В деле «Carême против Франции» бывший мэр муниципалитета Гранд-Сент утверждал, что Франция предприняла недостаточные шаги для предотвращения глобального потепления и что это невыполнение повлекло за собой нарушение его права на жизнь и права на уважение частной и семейной жизни. Обе жалобы были признаны неприемлемыми – в первом случае ЕСПЧ посчитал неисчерпанными внутренние средства правовой защиты, во втором – не усмотрел статуса жертвы у заявителя.

В третьем кейсе – «деле швейцарских бабушек» (Verein KlimaSeniorinnen Schweiz и другие против Швейцарии») ЕСПЧ также установил, что четыре индивидуальных заявительницы не соответствовали критериям «жертвы», однако посчитал, что ассоциация-заявитель, напротив, имела право подать жалобу. ЕСПЧ пришел к выводу, что Швейцарская Конфедерация не выполнила свои «позитивные обязательства» в соответствии с Рамочной конвенцией об изменении климата и тем самым нарушила право на уважение частной и семейной жизни, а также право на доступ к суду.

У юристов, работающих над климатическими исками по всему европейскому континенту, появился ключевой прецедент на уровне важнейшего суда по правам человека. Еще как минимум девять поданных в ЕСПЧ обращений напрямую касаются изменения климата и его связи с правами человека. Среди этих дел есть и обращение из России: две организации и 18 активистов успели обратиться в ЕСПЧ до того, как в отношении России формально перестали действовать нормы Европейской конвенции по правам человека, ЕКПЧ (об этом – далее).



С 2017 по 2022 год число судебных разбирательств по вопросам изменения климата выросло более чем вдвое

Растущий канал влияния на климатическую политику

Стоит отметить, что данная волна обращений в Европейский суд по правам человека является лишь малой частью большого потока всевозможных исков, связанных с климатическим кризисом, – число таких дел растет по всему миру неуклонно и лавинообразно. В СМИ часто попадают кадры массовых протестов против климатического кризиса, мы видим лица таких ярких персоналий, как Грета Тунберг или ее единомышленники, например из Fridays for Future или Extinction Rebellion.

Однако еще одна революционная борьба с последствиями изменений климата происходит более незаметно, но неуклонно – в судебных заседаниях и закрытых совещаниях юристов и активистов. Судите сами: согласно Докладу ООН о глобальной ситуации с судебными разбирательствами по вопросам изменения климата за 2023 год подобные дела, связанные с климатом, в настоящее время рассматриваются как неотъемлемая часть обеспечения мер по борьбе с его изменением: с 2017 года число таких дел во всем мире выросло более чем вдвое – с 884 до 2180 в 2022 году. Эти цифры основаны на базе данных из Сабин-центра права в области изменения климата при Колумбийском университете.

В последнее время стремительно набирает обороты глобальный феномен – климатическая литигация (разрешение споров через формальную, прежде всего судебную процедуру). Организации и движения, активисты и эксперты, отдельные государства и их объединения все чаще обращаются в самые разные судебные и иные правовые инстанции для того, чтобы оспорить неадекватные политики и бездействие в сфере сокращения выбросов, остановить или как минимум сократить использование ископаемого топлива, добиться от международных организаций, государств и отдельных корпораций действий, направленных на адекватное реагирование на текущие и будущие угрозы, а также на возмещение уже нанесенного вреда.

В своем Шестом оценочном докладе Межправительственная группа экспертов по изменению климата (МГЭИК) впервые прямо подчеркнула, что судебные разбирательства по теме климата повлияли на результаты и цели климатического управления. МГЭИК также определила климатическую литигацию как важный канал влияния на климатическую политику за пределами формальных процессов в рамках Рамочной Конвенции ООН по изменению климата.

Доклад ООН за 2023 год выделяет следующие ключевые тренды:

1. Растущее число дел, опирающихся на права человека, закрепленные в международном праве и национальных конституциях, для принуждения к действиям по борьбе с изменением климата.

2. Оспаривание внутреннего исполнения (и неисполнения) законов и политик, связанных с климатом.

3. Стремление сохранить ископаемое топливо и углеродные стоки в земле, через оспаривание выдачи соответствующих разрешений или прекращение деятельности добывающих компаний.

4. Требование корпоративной ответственности и ответственности за климатический вред.

5. Продвижение большего раскрытия информации о климате и прекращения гринвошинга по теме изменения климата и энергетического перехода.

6. Обращение внимания на отказ адаптироваться к климатическому кризису и его последствиям.

В 2019 году представитель народа маори Майк Смит подал иск против ряда компаний, являвшихся, по его мнению, источниками выбросов парниковых газов или поставщиками сырья, сжигание которого приводило к значительным выбросам. Он утверждал, что выбросы способствуют изменению климата, а действия ответчиков, помимо выбросов, приравниваются к трем формам гражданского правонарушения: халатность, нарушение общественного порядка и предполагаемый ущерб климатической системе. Суды первых двух инстанций отклонили иск как непоследовательный и нарушающий целостность деликтного права, но в 2021 году Верховный суд Новой Зеландии наконец принял иск, признав его важнейшее значение. На фото: единственный в Новой Зеландии нефтеперерабатывающий завод Марсден-Пойнт.
Фото: Follash / commons.wikimedia.org
https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=3021385

Несколько десятков обращений в ЕСПЧ, где заявители просят признать действия (и бездействие) правительств нарушением права на жизнь, права на уважение частной и семейной жизни и даже права на свободу от бесчеловечного обращения, – показатель первого тренда.

Корпорации как ответчики

Прежде чем мы подробно остановимся на разборе того, как правозащитная аргументация используется на международном и национальном уровнях, чтобы добиться от государств и их объединений изменения своих политик и подходов, – отметим, что набирает силу и поток дел, направленных против нефтяных, газовых и прочих экстрактивных корпораций, чья деятельность по добыче и распространению ископаемого топлива вносит прямой вклад в изменение климата. Объектом воздействия здесь выступают уже не государства, а отдельные компании, а набор правовых стратегий варьируется от попыток остановить или закрыть вредные производства до привлечения к ответственности за разные формы гринвошинга или климатвошинга и принижения собственного негативного влияния.

Недавний доклад Oil Change International в сентябре 2024 года зафиксировал как минимум 86 климатических исков против крупнейших в мире корпораций по добыче нефти, газа и угля, включая BP, Chevron, Eni, ExxonMobil, Shell и TotalEnergies. Количество исков, поданных против компаний, занимающихся добычей ископаемого топлива, почти утроилось с момента заключения Парижского соглашения в 2015 году.

Среди наиболее динамично растущих категорий дел, помимо непосредственных требований сократить выбросы, – иски о компенсации за ущерб, нанесенный климату, и оспаривание вводящих в заблуждение рекламных заявлений.

Ключевым решением в сфере корпоративных климатических исков стало дело «Milieudefensie и другие против Royal Dutch Shell (Milieudefensie)» в 2022 году в Нидерландах, в котором Окружной суд Гааги обязал многонациональную нефтегазовую компанию Royal Dutch Shell сократить к 2030 году выбросы углекислого газа, связанные с ее продукцией, на 45% по сравнению с уровнем 2019 года. Суд обосновал свое решение обязательствами в сфере прав человека и требованиями корпоративной «должной осмотрительности» (due diligence), так же как и неписаным «стандартом заботы» (standard of care), основанным на целях Парижского соглашения и Руководящих принципах ООН в сфере бизнеса и прав человека. Это решение стало первым случаем, когда частной компании было предписано соблюдать Парижское соглашение.

Важнейшим прецедентом, определяющим возможные финансовые риски компаний, станет дело, принятое к рассмотрению Верховным судом Новой Зеландии в феврале этого года по заявлению активиста и представителя народа маори Майка Смита («Смит против Fonterra Co-Operative Group Limited»), где будет рассматриваться непосредственная финансовая ответственность сразу семи компаний, играющих роль в усугублении климатического кризиса. Отличительным

элементом дела является аргументация о том, что принципы «тиканга маори» – традиционной системы обязательств и признания неправомерных действий должны определять и общее право Новой Зеландии. Иск был первоначально отклонен в судах низшей инстанции как «непоследовательный» и «нарушающий целостность деликтного права» (то есть обязательств, вытекающих из причинения вреда). Однако Верховный суд признал его важнейшее значение, указав, что изменение климата является «всеобъемлющим» экзистенциальным кризисом, а законодательство об ответственности за нанесенный вред должно учитывать контекст XXI века.

Поскольку все больше научных работ связывают отдельные экстремальные погодные явления с увеличением выбросов парниковых газов от сжигания ископаемого топлива, а собранные данные об исторических выбросах компаний, работающих на ископаемом топливе, позволяют рассчитать вклад конкретной компании в глобальные выбросы, то частым стратегическим действием в рамках климатической литигации является взыскание компенсаций по отдельным гражданским искам к конкретным корпорациям. Потенциальная ответственность компаний, занимающихся ископаемым топливом, может измеряться триллионами долларов США, а ответственность отдельных гигантов, таких как ExxonMobil, Shell и BP, оценивается в триллион долларов США на каждого.

Ложные заявления, связанные с климатом и окружающей средой, как часть вводящей в заблуждение рекламы – также предмет все большего внимания: более двух десятков таких кейсов зафиксировано с 2016 года только в США, Австралии, Франции и Нидерландах. Яркий тому пример – дело «Australasian Centre for Corporate Responsibility против компании Santos», в котором план австралийской газовой компании Santos «Чистый ноль» и ее утверждения о том, что природный газ является «чистым топливом», оспариваются как не заслуживающие доверия и вводящие в заблуждение.

Во Франции нефтяная компания Total стала ответчиком сразу в нескольких аналогичных исках, в рамках которых оспариваются как общие заявления нефтяного гиганта о своих обязательствах по углеродной нейтральности, так и конкретные заявления о роли природного газа и биотоплива в энергетическом переходе. В частности, 18 июня 2024 года Апелляционный суд Франции в деле «Notre Affaire à Tous и другие против Total» подтвердил необходимость передачи дела в суд для рассмотрения по существу вопроса о том, нарушила ли компания Торговый кодекс Франции, не представив адекватных данных о климатических рисках, связанных с ее деятельностью, и не приняв мер по снижению этих рисков в соответствии с целями Парижского соглашения. Поскольку французское национальное законодательство в этой сфере основано на директивах Европейского союза о недобросовестной коммерческой практике, это судебное разбирательство может послужить образцом для будущих дел как минимум в ЕС. В продолжение этих усилий в мае этого года коалиция нескольких организаций и активистов начала настаивать на привлечении руководства компании к уголовной ответственности уже не только за преднамеренное введение в заблуждение, но и за решения, способствующие изменению климата, которые они приняли несмотря на то, что знали, что это приведет к значительным жертвам и ущербу окружающей среде.

Таким образом, климатическая литигация расширяется в сторону все большего воздействия на корпоративных акторов, не только на государства и их политики, задействуя все более широкий арсенал правовых методов и инструментов.

Климатический кризис в контексте прав человека

Если вернуться к использованию классических правозащитных механизмов, то стоит подчеркнуть, что на права человека в контексте климата ссылаются не только в Европейском суде по правам человека, но и в других международных инстанциях, и ключевыми акторами здесь выступают отнюдь не европейские страны. Небольшое островное государство Вануату, которому грозит практически исчезновение в связи с поднятием уровня моря, запустило глобальную коалицию и добилось обращения в Международный суд ООН от имени Генассамблеи ООН. Вануату совместно с союзниками добивается заклю-

Островное государство Вануату, которому грозит практически исчезновение в связи с поднятием уровня моря, совместно с 17 странами добивается заключения ЕСПЧ, разъясняющего, какие обязательства в сфере климата несут государства-члены и какая международно-правовая ответственность должна наступать, когда их действия (и бездействие) приводят к существенному вреду другим государствам, особенно уязвимым к последствиям изменений климата, а также народам и отдельным людям текущих и будущих поколений. На фото: разрушения после циклона Пэм 14 марта 2015 года на островах Вануату.
Фото: Graham Crumb / Imagicity.com
https://commons.wikimedia.org/w/index.php?curid=38914922

чения ЕСПЧ, разъясняющего, какие обязательства в сфере климата несут государства-члены и какая международно-правовая ответственность должна наступать, когда их действия (и бездействие) приводят к существенному вреду другим государствам, особенно уязвимым к последствиям изменений климата (в частности, малым островным), а также народам и отдельным людям текущих и будущих поколений.

Другая коалиция, Комиссия малых островных государств по изменению климата и международному праву, добилась консультативного заключения Международного трибунала по морскому праву (ITLOS), в котором 21 мая 2024 года было признано, что парниковые газы являются загрязнителем морской среды и что государства – участники Конвенции ООН по морскому праву должны выйти за рамки требований Парижского соглашения 2015 года, чтобы защитить морскую среду и зависящие от нее государства. Трибунал указал, что у государств есть юридическое обязательство контролировать и сокращать выбросы, которые способствуют изменению климата, и изложил конкретные требования к их оценкам воздействия на окружающую среду.

Усилия по признанию права на благоприятную окружающую среду как права человека и изменение климата как вмешательство в это право предпринимаются как на уровне региональных судов по правам человека (см., например, Консультативное заключение Межамериканского суда по правам человека ОС-23/17 2019 года в ответ на запрос Колумбии), так и на уровне ООН (см., например, Резолюцию Комитета по правам человека ООН A/HRC/RES/48/13 от 18.10.2021 или Резолюцию Генассамблеи ООН A/RES/76/300 от 01.08.2022), но ключевые правовые баталии происходят на национальном уровне – в попытке оспорить национальное законодательство, регулирующее те или иные аспекты климатической политики. Здесь инструментом выступает и право прав человека, и конституционное, и административное право.

Так, суды в Бельгии, Германии, Италии, Чехии, Польше напрямую применяли Европейскую конвенцию по правам человека либо соответствующие положения своей конституции. В одном из самых знаковых дел – «Нойбауэр и другие против Германии» (2021) Федеральный конституционный суд Германии отменил части Федерального закона Германии о защите климата как несовместимые с конституционными правами на жизнь и здоровье, в частности, потому, что законодательство не включало достаточных положений для сокращения выбросов после 2030 года. Суд счел, что цели законодательства по смягчению последствий изменений климата недостаточны ни для защиты прав человека, ни для пропорционального распределения глобального углеродного бюджета между нынешним и будущими поколениями. Таким образом, суд пришел к выводу, что климатическое законодательство Германии фактически перекладывает сокращение выбросов на будущие поколения и тем самым нарушает основные свободы, и обязал законодательный орган установить четкие положения для целей сокращения с 2031 года и далее к концу 2022 года.

От этого решения можно ждать эффекта, схожего с последствиями «дела Urgenda» – прецедента, созданного в голландских национальных судах, в котором было признано, что, не сократив выбросы парниковых газов как минимум на 25% к концу 2020 года, правительство Нидерландов нарушило свои обязательства в соответствии со статьей 2 (право на жизнь) и статьей 8 (право на неприкосновенность частной жизни) Европейской конвенции по правам человека. Суды обязали правительство Нидерландов установить более амбициозные действия по борьбе с изменением климата, чем ЕС в целом, и прямо указали, что меры по адаптации не избавляют правительство от обязанности сокращать выбросы парниковых газов, а глобальный характер проблемы не освобождает его от необходимости действий на национальном уровне.

В общем потоке климатических исков подобные амбициозные дела выделяются отдельно и являются ярким примером стратегических судебных тяжб, призванных повлиять на систему в целом как через отдельные знаковые прецеденты (systemic lawyering), так и через представительство, придающее дополнительные силы и влияние климатическому движению (movement lawyering). Они также подчеркивают ту роль, которую представители юриспруденции – как адвокаты и литигаторы, так и корпоративные юристы, а также судьи – играют в необходимых общих действиях вокруг климатического кризиса (climate conscious lawyering).

Благодаря иску некоммерческой организации «Ургенда» в голландских национальных судах создан прецедент, при котором было признано, что, не сократив выбросы парниковых газов как минимум на 25% к концу 2020 года, правительство Нидерландов нарушило свои обязательства в соответствии со статьей 2 (право на жизнь) и статьей 8 (право на неприкосновенность частной жизни) Европейской конвенции по правам человека.

https://goo.su/oVIPXkl

Россия тоже в деле

Российский климатический кейс (напомним, две организации и 18 активистов) стоит в этом ряду, объединяя в себе все три стратегии. В центре – оспаривание положений двух нормативных правовых актов, устанавливающих стратегию сокращения выбросов парниковых газов: Указа Президента от 04.11.2020 № 666 «О сокращении выбросов парниковых газов» и приложения к Стратегии социально-экономического развития РФ с низким уровнем выбросов парниковых газов до 2050 года, утвержденной распоряжением Правительства РФ от 29.10.2021 № 3052-р. Задача – изменить действующее регулирование в этой сфере и привести его в соответствие с международными обязательствами, которые Россия взяла на себя, участвуя в РКИК ООН и приняв Парижское соглашение 2015 года. Оспариваемые нормативные акты, вопреки своему названию и позиционированию, не только не способствуют необходимому значительному сокращению выбросов, а, напротив, предполагают их рост, так как устанавливают уровень выбросов к 2030 году не выше 70% от уровня выбросов 1990 года, в то время как в 2019 году он уже составлял 67%, к тому же эти показатели не учитывают поглощение лесами и иными экосистемами. В любом случае установленный целевой показатель на 2030 год – в 1,5-2,3 раза, а на 2050 год – в 11,7 раза выше целевых показателей, соответствующих долгосрочной температурной цели Парижского соглашения.

В сентябре 2022 года заявители обратились в Верховный суд РФ и просили высшую судебную инстанцию обязать президента и правительство РФ в соответствии с их компетенцией принять новые нормативные правовые акты, предусматривающие более амбициозные цели – сокращение до 968 млн метрических тонн эквивалента углекислого газа в год (до 31% от уровня 1990 года без учета поглощения экосистемами), а к 2050 году – до 157 млн, т. е. до 5% от уровня 1990 года без учета поглощения экосистемами). Предсказуемый отказ на национальном уровне открыл возможности для заявления в Европейский суд по правам человека с обращением, аргументирующим, что действия Российской Федерации нарушают право заявителей на жизнь (ст. 2 ЕКПЧ), на свободу от бесчеловечного и унижающего человеческое достоинство обращения (ст. 3 ЕКПЧ), на неприкосновенность частной жизни и жилища (ст. 8 ЕКПЧ), на свободу от дискриминации (ст. 14 ЕКПЧ), на уважение частной собственности (ст. 1 Протокола № 1 ЕКПЧ) и, наконец, на справедливое судебное разбирательство (ст. 6 ЕКПЧ). Юридическая команда российского климатического дела, подав обращение в сентябре 2023 года, ссылается на то, что Европейский суд по правам человека уже выработал применимый правовой тест для рассмотрения дел о предполагаемом невыполнении государствами своих позитивных обязательств в области сокращения выбросов и предотвращения последствий изменений климата и признал значимость этих вопросов, передав в Большую Палату сразу три дела подобного рода.

Выбор заявителей также не случаен. Прежде всего, среди административных истцов – две общественные организации, обращающиеся в защиту неопределенного круга лиц: одна из старейших экологических («Экозащита! – Женсовет») и одна из старейших правозащитных («Московская Хельсинкская группа»). Обе настаивают на соблюдении международных обязательств в сфере прав человека, взятых на себя Россией, и считают, что право на здоровую окружающую среду и достоверную информацию о ее состоянии – фундаментальные права каждого. Среди 18 индивидуальных заявителей – представители коренных народов – ительменов, саами, шорцев, удэге, жители Севера, Сибири и Дальнего Востока, оказывающиеся в особо уязвимом положении, а также участник и участницы движения Fridays for Future, подчеркивающие необходимость решительных действий в ответ на климатический кризис. Климатическое дело дает им дополнительный голос и возможность настаивать на ответственности и обязанности правительства изменить свои подходы в этой сфере. Сама подготовка этого кейса, его конструирование и аргументация привели к формированию отдельной коалиции заявителей, действующих сообща в попытках улучшить текущую климатическую политику.

Текст административного искового заявления в Верховный суд РФ содержит подробные ссылки на доклады МГЭИК, бюллетени мониторинга климата Института глобального климата и экологии, доклады Росгидромета, исследования экологических организаций, в частности фиксирующие эпизоды аномальной жары и все возрастающие площади лесных пожаров, а также заключения профильных специалистов, указывающих, что существующая национальная политика в области изменения климата не только не является оптимальной для удержания глобального потепления на уровне не выше 1,5 градуса, но ведет к потеплению на 4 градуса к 2100 году и способна повлечь, помимо прочих негативных последствий, 710 000 избыточных смертей по всем миру.

Таким образом, вполне можно утверждать, что сам текст заявления является не только формальным документом для обращения в суд, но и консолидированной и аргументированной позицией климатических активистов, представителей коренных народов, экологов и специалистов в области изменения климата, а также просветительским документом для юридического сообщества, потенциальным инструментом более широкой дискуссии в гражданском обществе.

Промежуточную точку в правовом измерении этой истории поставит Европейский суд по правам человека, но, как и с другими действиями в рамках климатической литигации, общая стратегия действий не сводится только к узкоправовым аспектам. Вне зависимости от предстоящего решения и сложностей с его дальнейшим исполнением в государстве, отказавшемся признавать юрисдикцию ЕСПЧ, российское климатическое дело стоит в общем ряду других подобных рамочных дел и является ярким примером стратегической климатической литигации, направленной на изменение национальных политик в сфере климата. Как и в подавляющем большинстве других стран, в России она неадекватна текущим вызовам климатического кризиса, и климатические иски – один из ключевых элементов в гражданских усилиях и попытках это изменить.

Граффити на стене здания в Чернобыле. Фото: Нильс Бёмер / архив «Беллоны»

Катастрофы, изменившие мир:

как наказывают за экологические преступления в разных странах

ЕВГЕНИЙ АНИСЬКОВ

Рост числа случаев рака щитовидной железы и создание зоны отчуждения – это лишь некоторые из последствий чернобыльской катастрофы, которая изменила представления об атомной энергетике. Утечка пяти миллионов баррелей сырой нефти в открытое море на протяжении 152 дней – таковы последствия взрыва на нефтяной платформе Deepwater Horizon в Мексиканском заливе. Эта катастрофа изменила отношение к экологической ответственности нефтегазовых корпораций.

Экологические преступления по всему миру наносят значительный ущерб здоровью людей, окружающей среде и экономике. Они также вызывают длительные судебные разбирательства и способствуют введению новых правовых норм. В этом обзоре мы собрали 10 наиболее известных экологических преступлений, которые имели негативные последствия для природы и человека. Но все ли они имели юридические последствия для тех, кто был к ним причастен?

Болезнь Минамата (Япония)

В апреле 1956 года в больницу японского города Минамата (остров Кюсю) госпитализировали молодую девушку с жалобами на тяжелое онемение конечностей, неспособность разговаривать и принимать пищу. Со временем все больше жителей города начали жаловаться на различные проблемы со здоровьем: онемение и тремор конечностей, ухудшение зрения, проблемы со слухом и потеря моторных функций. Впоследствии эти симптомы назовут болезнью Минамата.

Симптомы болезни начали проявляться у жителей города Минамата, проживающих рядом с заводом Chisso, который производил ацетальдегид – вещество, широко используемое в производстве пластмасс. В процессе производства компания сбрасывала промышленные отходы, содержащие метилртуть, прямо в море, что привело к загрязнению воды. Через употребление рыбы в пищу в организме людей начали накапливаться тяжелые металлы, что в дальнейшем привело к появлению неврологических симптомов. Сброс опасных веществ в воду компанией Chisso имел серьезные последствия для здоровья людей – за 36 лет, с 1959 по 1995 год, умерли 1043 человека, на конец марта 2001 года было зарегистрировано 2265 пациентов с болезнью Минамата, проживающих на побережье залива Яцусиро.

Первые иски к компании Chisso были поданы в 1959 году – от рыбаков, требовавших компенсацию. Позже последовали иски от местных жителей. Судебные разбирательства продолжались много лет, так как Chisso пыталась обелить свою репутацию, например, заказывая исследования для подтверждения своей невиновности. Правительство Японии не желало вмешиваться, опасаясь экономических последствий для региона. Кроме того, потребовалось девять лет, чтобы болезнь была признана на официальном уровне – в 1965 году.

Жертва болезни Минамата – у девочки деформирована рука, как и у многих жертв этой болезни, которые страдают от физических деформаций, помимо других симптомов, 1973 год.
Фото: AP, NTB Scanpix / CC BY-NC

https://ndla.no/subject:1:84d4651b-fc52-4876-a066-f8567ecf79a6/topic:2:92e7d97f-3038-4985-b05a-3cddf19684d2/resource:565eb96f-e533-4457-836c-a6b7c9513cee

Лишь в 1995 году удалось достичь окончательного урегулирования, которое включало единовременную выплату 2,6 млн иен (26 тыс. долларов) и дополнительные выплаты пострадавшим в размере 4,94 млрд иен (49,4 млн долларов), а также покрытие затрат на лечение и медицинские пособия. Пострадавшие отказались от дальнейших исков, и споры прекратились.

Случай с болезнью Минамата стал катализатором для пересмотра и ужесточения экологического законодательства Японии. В 1967 году был принят первый закон об основах борьбы с загрязнением окружающей среды, который включал положения об охране водных ресурсов. В 1971 году правительство Японии создало Агентство охраны окружающей среды. Трагедия в Минамате способствовала росту общественного движения за охрану окружающей среды в Японии.

Бхопальская трагедия (Индия)

«Счастливчики – это те, кто умер в ту ночь» – так описывают местные жители то, что произошло в индийском городе Бхопал ночью 3 декабря 1984 года. На химическом заводе компании Union Carbide по производству пестицидов произошла утечка 27 тонн газа метилизоцианата. Ядовитое облако накрыло миллионный город, разбудив его жителей. Люди в панике покидали свои дома – по дороге многих рвало, а кашель не давал дышать; некоторые умирали в конвульсиях прямо на улицах. По приблизительным оценкам, 3800 человек погибли в первую ночь. В общей сложности от утечки газа умерло 25 тыс. человек. Более полумиллиона жителей так или иначе подверглись воздействию отравляющего газа: впереди их ждали заболевания мозга, почек и печени, разные виды онкологических заболеваний и гинекологические проблемы. Бхопальская трагедия стала самой крупной техногенной катастрофой по числу жертв.

В 1969 году в Бхопале Union Carbide, американская корпорация по производству химикатов для сельского хозяйства, открыла завод по производ-

32-я годовщина катастрофы в Бхопале, 2016 год. Выжившие прошли маршем по городу, держа транспаранты. В конце митинга они подожгли логотипы Union Carbide и ее нынешнего владельца Dow Chemical вместе с флагом США. Лидеры пяти организаций выживших, которые совместно организовали митинг, призвали правительства США, Индии и штата Мадхья-Прадеш прекратить сговор с корпорациями и обеспечить справедливость и достойную жизнь для полумиллиона выживших. Фото: Colin Toogood / www.flickr.com

https://www.flickr.com/photos/bhopalmedicalappeal/30849907733/in/album-72157677870769345

ству севина – пестицида для борьбы с вредоносными насекомыми. В 1984 году предприятие уже было на стадии закрытия из-за упавшего спроса на продукцию. Вероятнее всего, по этой причине на заводе решили отключить систему безопасности, улавливающую утечку газа, хотя ядохимикаты еще находились на предприятии.

Фактически компания Union Carbide не понесла ответственности за катастрофу. Суд в Индии признал компанию виновной в преступном убийстве, генеральному директору грозило 10 лет тюрьмы. Однако Union Carbide, базирующаяся в США, проигнорировала все решения суда, а США так и не выдали Индии главу компании. В 1989 году Union Carbide, в рамках частичного внесудебного соглашения с правительством Индии, согласилась выплатить 470 млн долларов в качестве компенсации жертвам катастрофы. Однако 90% пострадавших получили выплаты в размере всего 500 долларов, которых хватило на медицинское обслуживание только в течение пяти лет.

Чернобыльская катастрофа (СССР)

Катастрофа на Чернобыльской атомной электростанции (ЧАЭС) стала самой крупной техногенной катастрофой в истории человечества, перевернувшей представление об использовании атома в мирных целях.

Ночью 26 апреля 1986 года на 4-м энергоблоке ЧАЭС произошел взрыв, который полностью разрушил реактор. Активная фаза радиоактивных выбросов продолжалась на протяжении 10 дней. Радиоактивный цезий заразил более 200 тыс. кв. км территории в Европе. Радиоактивные выбросы от взрыва реактора негативно повлияли на здоровье детей и подростков, проживающих в наиболее подверженных заражению районах. Впоследствии врачи зафиксировали у них значительный рост заболеваемости раком щитовидной железы. В период с 1992 по 2002 год заболевших с таким диагнозом было около 4 тыс. человек. После аварии около 5 млн га сельскохозяйственных земель были утрачены, а вокруг атомной электростанции была создана 30-километровая зона отчуждения.

Фото: Нильс Бёмер / архив «Беллоны»

По результатам расследования эксперты выявили ряд причин, приведших к катастрофе: несоответствие реактора нормам безопасности, конструктивные недостатки объекта, отсутствие независимого регулирующего органа, слабый контроль над обеспечением безопасности и ошибки, допущенные персоналом станции. Пять человек из руководства станции стали фигурантами уголовных дел. Они получили сроки от двух до 10 лет лишения свободы. Однако главным итогом катастрофы можно считать рост числа и активизацию антиядерных движений по всему миру, что навсегда изменило атомную индустрию. В последующие 16 лет в Западной Европе и Северной Америке не было построено ни одной новой АЭС, а существующие реакторы постепенно начали выводиться из эксплуатации. Чернобыльская катастрофа дала импульс для развития альтернативных видов энергии (солнечной, ветровой), которые являются более безопасными и климатически нейтральными.

Экомафия и «Треугольник смерти» (Италия)

Термин «Треугольник смерти» используют для описания региона Кампания на юге Италии, охваченного токсичным загрязнением из-за незаконных свалок отходов. Этот район, расположенный в 25 км к северо-востоку от Неаполя и ограниченный городами Ачерра, Нола и Марильяно, стал центром кризиса утилизации мусора в 1990-2000-х годах. Проблема началась в 1980-х, когда неаполитанская каморра захватила контроль над управлением отходами. К 1994 году она монополизировала рынок, демпингуя и используя связи с местными властями. Мафия организовала сброс бытовых и опасных промышленных отходов со всей Италии и других стран, сжигая их и тем самым превращая регион вокруг Неаполя в «землю пожаров».

Мусорный кризис в Неаполе, 1 июня 2007 года. Фото: Chris Beckett / https://www.flickr.com
https://www.flickr.com/photos/chrisjohnbeckett/540512518

За период с 1990 по 2005 год в Кампанию было завезено около 14 млн тонн отходов, что приносило мафии до 8,8 млрд долларов в год. Загрязнение привело к резкому росту числа заболеваний, включая онкологические и врожденные дефекты. Исследования 2012 года подтвердили, что у женщин из Неаполя риск заболеть раком груди выше, чем у женщин из других регионов Италии.

В 1997 году правительство Италии предприняло первую попытку побороться с последствиями мусорного кризиса, приняв декрет Рончи по обращению с отходами. Однако мафия оказалась сильнее. Позже проблемы с вывозом отходов из городов привели к массовым протестам жителей. Правоохранители стали действовать жестче – прошли громкие аресты и судебные процессы над членами каморры, а также коррумпированными чиновниками и бизнесменами.

Европейский суд по правам человека постановил, что в данной ситуации правительство Италии несет ответственность за нарушение прав человека, поскольку оно не обеспечило сбор, обработку и надлежащую утилизацию отходов в регионе Кампания. Кроме того, кризисная ситуация с отходами привела к созданию в 2014 году парламентской комиссии по расследованию деятельности, связанной с незаконным оборотом отходов. Комиссия ежегодно отчитывается перед парламентом страны.

Вырубка лесов Амазонии (Бразилия)

Амазонские тропические леса, крупнейшая и наиболее богатая по биоразнообразию экосистема на планете, находятся под серьезной угрозой. По некоторым оценкам, потеря лесов Амазонии уже составляет 17%, и мы близки к точке невозврата – 20-25%. С 1978 года в Амазонии было вырублено около 75 млн га леса.

Основной ущерб лесам Амазонии наносит Бразилия, поскольку именно на ее территории расположена большая часть тропических лесов (60%). Однако незаконные вырубки происходят и в соседних Боливии, Эквадоре, Венесуэле, Перу и Колумбии. Нелегальной вырубкой лесов в бра-

Поджог леса в Мату-Гросу, чтобы очистить территорию от «мусора». Фото: Icaro Cooke Vieira / CIFOR
https://flickr.com/photos/cifor-icraf/35875449645/

зильской Амазонии в значительной степени занимаются вооруженные преступные группировки. Деградацию амазонских лесов можно назвать самым масштабным экологическим преступлением, растянутым на несколько десятилетий. Помимо экологических последствий, таких как потеря биоразнообразия, деградация почвы, нарушение водного цикла и повышение глобальной температуры, бизнес по незаконной вырубке связан с заказными убийствами журналистов и экологических активистов.

Уничтожение тропических лесов Амазонии напрямую связано с деятельностью человека. Деревья вырубают, чтобы затем пустить земли под выращивание сои или превратить их в пастбища для крупного рогатого скота. Бразилия – один из крупнейших экспортеров говядины. Леса вырубают также для дальнейшей незаконной добычи золота, нелегальной продажи ценной древесины и строительства инфраструктуры, например дорог.

Незаконная вырубка амазонских лесов в Бразилии – чрезвычайно коррупционный бизнес, в который вовлечены чиновники по всей иерархии. По этой причине добиться справедливости в суде очень сложно. Анализ судебных дел с 2017 по 2020 год (охвативших около 231 тыс. га леса) показал, что 78% исков были отклонены из-за недостаточности доказательств. В марте 2018 года правительство Бразилии списало более 2 млрд долларов в виде штрафов, предоставив амнистию захватчикам земель и послав мощный намек на то, что они не будут привлекаться к ответственности за нарушение закона. В период президентства Жаира Болсонару (2019-2023) темпы вырубки лесов увеличились. Кроме того, финансирование Института окружающей среды (IBAMA), главного надзорного органа за амазонскими лесами, было сокращено, а количество инспекторов уменьшилось на 55%. В 2021 году Федеральная полиция Бразилии начала расследование деятельности Рикарду Салеса, бывшего министра окружающей среды. Его подозревают в причастности к экспорту незаконной древесины в США и Европу.

Разлив нефти в Огониленде (Нигерия)

Разлив нефти в одной из общин Огониленда, 2008 год.
Фото: Luka Tomac / Friends of the Earth International
https://openverse.org/image/6cf343a8-baca-41d4-98a2-c68b86e7a899?q=ogoniland+oil+spill

Когда голландскую нефтяную компанию Shell обвинили в разливе нефти в Огониленде в Нигерии, она попыталась снять с себя ответственность, заявив, что вину несут «похитители нефти». Огониленд, один из самых нефтеносных регионов мира, с 1950-х годов стал местом деятельности крупных международных нефтяных компаний, включая Shell.

Разработка нефти в этом районе сопровождалась разливами на протяжении почти всего времени. По подсчетам правительства Нигерии, только в период с 1970 по 2000 год произошло более 7000 разливов. В 2008 году случились самые крупные разливы нефти из трубопроводов компании Shell. Согласно независимой оценке американской компании Accufacts Inc, объем разлива превысил 100 тыс. баррелей.

По данным экозащитной организации «Друзья Земли Нидерланды», продолжительность жизни в регионе разливов на 10 лет меньше, чем в остальной Нигерии. Кроме того, загрязнение почвы и воды привело к резкому сокращению сельскохозяйственной деятельности, что является традиционным и зачастую единственным способом выживания для местных жителей.

В свою защиту представители компании заявляют, что прорывы происходили по вине тех, кто намеренно повреждает трубопровод для кражи нефти. Однако внутренние документы компании свидетельствуют – в Shell знали об износе своих трубопроводов и намеренно не ремонтировали их. Так, в 2002 году сотрудники компании советовали заменить трубопровод 30-летней давности, поскольку он постоянно протекал и представлял собой серьезную угрозу. Через шесть лет угроза стала реальностью – в 2008 году этот трубопровод привел к нескольким крупным разливам, лишившим средств к существованию почти 15 000 сельских жителей.

В 2008 году группа местных фермеров подала иск в суд Нидерландов на компанию Shell и потребовала возмещения ущерба за упущенную выгоду. Спустя 13 лет суд признал, что Shell несет ответственность за ущерб, причиненный утечками в дельте реки Нигер. Он также постановил выплатить нигерийским фермерам компенсации и установить систему обнаружения утечек на трубопроводе. Это судебное решение стало первым случаем, когда голландский суд обязал транснациональную корпорацию соблюдать обязанность заботиться о своих зарубежных предприятиях.

Взрыв нефтяной платформы Deepwater Horizon (Мексиканский залив)

Взрыв платформы Deepwater Horizon, находившейся под управлением нефтяного гиганта British Petroleum (BP), в Мексиканском заливе в 80 км от побережья США в 2010 году стал шоком для всего мира – разлив нефти продолжался на протяжении 152 дней, и в итоге вытекло около 5 млн баррелей. Позже Национальная комиссия США установит основные причины взрыва – неправильная конструкция скважины, недостаточное цементирование, критические изменения в проекте до аварии и недостаточная квалификация членов экипажа.

В результате взрыва погибли 11 человек, а при ликвидации пожара – еще двое. Загрязнению подверглись 1770 км побережья, что негативно сказалось на рыболовной отрасли и туристической индустрии штатов, имеющих выход к Мексиканскому заливу. К началу ноября 2010 года спасатели собрали 6814 мертвых животных. В последующие годы было найдено 1400 выброшенных на берег китов и дельфинов, 1700 мертвых черепах и 800 тыс. птиц.

К началу 2012 года жители прибрежных районов подали более 500 исков против компаний BP и Halliburton (осуществляла цементирование скважины). Всего количество истцов к BP превысило 100 тыс. человек, с которыми была заключена досудебная сделка на сумму 7,8 млрд долларов.

Пожарные сражаются с пылающими остатками морской нефтяной платформы Deepwater Horizon 21 апреля 2010 года.
Фото: U.S. Coast Guard photo / flickr.com
https://flickr.com/photos/flseagrant/7782496154/

56 млрд долларов – общая сумма, в которую обошлось устранение последствий аварии для компании BP.

Разлив нефти в Мексиканском заливе имел ряд правовых последствий и серьезно изменил общественное отношение к экологическим преступлениям. После этой катастрофы компании в нефтяной отрасли были вынуждены внедрить более строгие стандарты безопасности и экологического контроля. По итогам аварии в США было создано Бюро по безопасности и охране окружающей среды (BSEE), ЕС принял директиву о безопасности в нефтегазовой отрасли, а Международная морская организация усилила свои рекомендации и нормы, касающиеся безопасности морской добычи нефти и газа.

Dieselgate (немецкий автоконцерн Volkswagen)

В сентябре 2015 года Агентство по охране окружающей среды США (EPA) сообщило, что автоконцерн Volkswagen намеренно вводил в заблуждение надзорные органы, представляя фальшивые отчеты об автомобильных выбросах. Расследование показало, что компания Volkswagen использовала программное обеспечение, которое позволяло автомобилям показывать низкий уровень выбросов диоксида азота в лабораторных условиях, но в реальных условиях выбросы были значительно выше. Это затронуло около 11 млн автомобилей по всему миру, из которых 500 тыс. находились в США и 8,5 млн в странах ЕС.

Скандал стал одним из самых громких в сфере потребительского рынка. На компанию обрушились сотни тысяч исков – только в Австралии 90 тыс. владельцев дизельных автомобилей VW, Audi и Škoda подали коллективный иск против Volkswagen. Канада предъявила обвинение и привлекла к ответственности Volkswagen, наложив штраф в размере 196,5 млн долларов, что стало самым крупным штрафом, когда-либо наложенным в Канаде. Самым крупным иском стал иск Министерства юстиции США от имени Агентства по охране окружающей среды, требующий до 46 млрд долларов в виде штрафов за нарушение закона о чистом воздухе.

Автоконцерн Volkswagen намеренно вводил в заблуждение надзорные органы, используя ПО, позволявшее автомобилям показывать более низкий уровень выбросов диоксида азота.
Фото: joiseyshowaa / flickr.com
https://flickr.com/photos/joiseyshowaa/25422136442/

По итогу всех судебных процессов скандал с манипуляцией выбросов обошелся Volkswagen в 34,5 млрд долларов в виде штрафов и компенсаций. В компании также прошли масштабные изменения в управлении. Так, свой пост покинул генеральный директор Мартин Винтеркорн, который возглавлял компанию с 2007 года. После скандала компания решила потратить 40 млрд долларов на развитие электромобилей и стать лидером в этой отрасли. На данный момент продажи идут куда медленнее, чем ожидалось, – спрос на электрические авто в Европе снизился, это произошло в первую очередь из-за высоких цен на автомобили и слабой сети электростанций.

Уничтожение тропических лесов (Индонезия)

Выжженный лес при расчистке территории для пальмовой плантации.
Фото: Hayden / flickr.com
https://flickr.com/photos/hllewellyn/2058273896/

За последние 20 лет Индонезия потеряла более 10 млн га лесов, что превышает площадь Ирландии. Основной причиной вырубки стало создание плантаций масличной пальмы, связанной с производством пальмового масла. Этот процесс включает в себя выжигание и вырубку тропических лесов, что угрожает редким видам, таким как суматранский тигр, и приводит к увеличению конфликтов между людьми и дикими животными. Вырубка лесов также усугубляет климатические изменения, поскольку сжигание деревьев выбрасывает в атмосферу углекислый газ. Кроме того, разрушение лесов вызывает эрозию почвы, увеличивает риск наводнений и загрязняет водоемы.

Коррупция усложняет борьбу с вырубкой. Комиссия по борьбе с коррупцией Индонезии арестовала троих руководителей двух компаний по производству пальмового масла и приговорила их к 20 месяцам тюрьмы. Тем не менее жалобы местных сообществ нередко отклоняются, а иски против крупных компаний в суде часто обо-рачиваются в их пользу.

Активистам и природоохранным организациям приходится действовать самостоятельно через давление на компании, создавая пальмовому маслу репутацию «грязного продукта». 2013 год стал поворотным – активистам удалось убедить одну из крупнейших в мире компаний по производству пальмового масла Wilmar ограничить вырубку лесов в своей цепочке поставок. Спустя время большинство других крупных компаний, производящих пальмовое масло, последовали их примеру. Кроме того, Индонезия прекратила выдачу новых разрешений на развитие плантаций пальмового масла в первичных лесах и торфяниках. Это дало свои результаты – 2009 год стал пиковым по вырубке тропических лесов в Индонезии, и объемы начали снижаться. Однако появляются сообщения о том, что в последние два года вновь наблюдается активная вырубка лесов под пальмовые плантации.

Разлив дизельного топлива в Норильске (Россия)

Крупнейшая экологическая катастрофа в Арктике – разлив дизельного топлива 29 мая 2020 года.
Фото: ESA / commons.wikimedia.org
https://commons.wikimedia.org/wiki/File:Norilsk_oil_spill_may_31_2020_sentinel-2_esa.jpg

Об экологической катастрофе в Арктике общественность узнала спустя пять дней благодаря соцсетям. 29 мая 2020 года разгерметизировался бак резервного топлива на ТЭЦ-3, принадлежащей Норильско-Таймырской энергетической компании (входит в группу «Норильский никель»). В результате аварии утекло более 21 тыс. тонн дизельного топлива, из которых 6 тыс. тонн попали в грунт, а 15 тыс. тонн – в реки Далдыкан и Амбарная, последняя впадает в озеро Пясино, которое связано с Карским морем через реку.

Общая площадь загрязнения нефтепродуктами составила 180 тыс. кв. метров. 3 июня Росприроднадзор сообщил о предельно допустимых концентрациях вредных веществ в реке Амбарная в десятки тысяч раз. Росрыболовство оценило ущерб, нанесенный рыбным ресурсам, в 59 млрд рублей. Ростехнадзор установил, что причинами аварии стали нарушения при конструировании свайного основании топливного бака, дефекты при его строительстве и изношенность резервуара. Также стало известно, что еще в 2017-2018 годах Ростехнадзор выявил 33 нарушения на ТЭЦ-3. Как и во многих историях с экологическими катастрофами, коррупция и халатность становятся главными причинами ЧП, что делает экологические катастрофы преднамеренными преступлениями.

По результатам проверок было возбуждено три уголовных дела (порча земли, нарушение правил охраны окружающей среды при производстве работ, загрязнение вод). Несколько сотрудников ТЭЦ-3 и бывший мэр Норильска были приговорены к исправительным работам. Кроме того, по итогам судебных разбирательств «Норникель» был оштрафован на 146 млрд рублей, что стало самой крупной выплатой за экологическое преступление в России.

Наказания за экологические преступления значительно изменились с течением времени. В 1960-1990-е годы, как показал случай с болезнью Минамата, даже крупные компании могли избегать ответственности в течение долгого времени. Многие экологические преступления оставались без должного внимания, а ущерб от них был недостаточно компенсирован. Однако в начале XXI века произошли существенные изменения, в основном благодаря усилению ответственности и общественному давлению. Несмотря на эти улучшения, проблема неравномерности наказаний в разных странах сохраняется. В развивающихся странах, таких как Нигерия и Индонезия, наказания часто оказываются недостаточными или плохо применяемыми из-за коррумпированности и экономических факторов.

Многие экологические преступления остались без должного внимания и ущерб от них был недостаточно компенсирован. Однако в начале XXI века произошли существенные изменения, в основном благодаря усилению ответственности и общественному давлению. «Нет планеты Б» – частый лозунг на экологических акциях.
Фото: Ivan Radic / flickr.com

https://www.flickr.com/photos/26344495@N05/51059103306